

Министерство образования и науки РФ
Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»
Кафедра истории России исторического факультета

Л.М. Дамешек

**Институт генерал-губернаторов
Азиатской России и его особенности**

Учебное пособие по курсу
«История Сибири»

Иркутск
2011

УДК
ББК

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Иркутского государственного университета

**Дамешек Л.М. Институт генерал-губернаторов Азиатской
России и его особенности.** Иркутск: Оттиск, 2011. 128 с.

Рецензенты:

д. и. н., профессор А.А. Иванов

д. и. н., профессор Г.А. Цыкунов

В учебном пособии, являющемся составной частью курса «История Сибири», рассматривается создание и эволюция одного из важнейших политических институтов империи – института генерал-губернаторов, раскрывается специфика его функционирования в Азиатской России. Приводятся биографические сведения сибирских генерал-губернаторов.

Учебное пособие предназначено для студентов (бакалавров и магистрантов) исторического факультета ГОУ ВПО «ИГУ», аспирантов и учителей истории.

Автор – заведующий кафедрой истории России исторического факультета ИГУ д. и. н., профессор Дамешек Л.М.

© Л.М. Дамешек, 2011

Содержание

Введение (пояснительная записка).....	5
Становление и эволюция института генерал-губернаторской власти в Российской империи.....	18
Специфика функционирования генерал-губернаторской власти в Сибири	35
Генерал-губернаторский корпус Сибири. Социологический портрет.....	61
Список сибирских генерал-губернаторов.....	74
Биографии сибирских генерал-губернаторов.....	76
Примерный перечень заданий, рефератов, докладов и дипломных работ по курсу	123
Рекомендованный к курсу список источников и литературы	124

Введение **(пояснительная записка)**

Изучение политических институтов самодержавия, особенностей их функционирования на окраинах государства (в том числе, и в Азиатской России) в течение длительного времени является одной из актуальных проблем российской исторической науки. Институт генерал-губернаторов – один из старейших политических институтов имперской России. Реализация властных полномочий сибирских генерал-губернаторов имела определенную специфику, связанную с рядом геополитических и геостратегических особенностей управляемой ими территории. Одним из существенных моментов, определяющих специфику функционирования в Сибири института генерал-губернаторов, был сопредельный характер управляемых территорий, наличие значительного контингента ссыльного элемента и этнический фактор. Они существенно сказывались на методах властного освоения новых территорий, их политико-административном устройстве и пр.

Процесс строительства Российской империи был длительным и сложным. Важнейшей геополитической особенностью слагающегося государства являлось его уникальное расположение на двух материках – Европе и Азии. Это не могло не отразиться на методах колонизации окраинных территорий. В основе территориального расширения лежали, прежде всего, имперские военно-стратегические и экономические интересы. Однако задача заключалась не только в территориальном увеличении государства, но и прежде всего, в интеграции новых земель в имперское политико-административное пространство. Процесс этот был сложен и многогранен. Преобладающее влияние на него оказывало место и значение той или иной окраинной территории в имперском механизме (экономическом, политическом и пр.) Это обстоятельство обусловило появление в про-

цессе освоения окраин элементов имперского регионализма¹. Властное освоение окраин, стремление слить их в единое целое с Россией вызывало необходимость существования на местах проводников имперской идеологии и политики – бюрократов и представителей интересов империи. Такими проводниками стали генерал-губернаторы. Известный правовед Н.М. Коркунов писал по этому поводу, что «особенности исторического развития русского государства привели к тому, что коренные русские области, как кольцом, окружены местностями, резко отличающимися от них своими культурными и бытовыми условиями и племенным составом своего населения»². Вот эти окраинные пункты и образовывали главным образом, генерал-губернаторства. Таким образом, их существование объяснялось как политическими, так и административными мотивами. Главной их целью было утверждение национального государственного единства.

Институт генерал-губернаторов в Сибири, его представители – одна из ключевых проблем, изучаемых в рамках курсов «Управление Сибирью», «История Сибири», а также ряде спецкурсов «Политические портреты Сибирских генерал-губернаторов», «Власть и общество в Восточной Сибири», которые читается на гуманитарном факультете ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

Не вызывает сомнений, что в реализации полномочий генерал-губернаторов немалое значение принадлежало личностному фактору. Деятельность талантливых администраторов – генерал-губернаторов М.М. Сперанского и Н.Н. Муравьева обусловила значительную активизацию политики империи применительно к Сибири, и в конечном итоге, инициировала целый ряд правительственных мероприятий в этом регионе. Ряд исследователей – как дореволюционных, так и современных посвятили свои труды именно институту генерал-губернаторов и конкретным его представителям.

¹ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002; Она же. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005; Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917). Иркутск, 2009.

² Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 11. СПб., 1909. С. 335.

Попытку изучения административной политики самодержавия в отношении Сибири через призму конкретной личности осуществил И.П. Барсуков¹. Как и издание Корфа, это сочинение является биографией, только уже другого выдающегося администратора – Н.Н. Муравьева. Вследствие этого, имперская политика на восточных окраинах в 1848–1861 гг. рассматривается Барсуковым сквозь призму деятельности (лишь как один из ее эпизодов) этой, безусловно, одаренной, личности. В основе данной части монографии лежат уже известные нам воспоминания современников и сослуживцев Муравьева, главным образом, Струве, Милютин и некоторых других². Вследствие указанной причины, мы не находим в книге каких-либо неизвестных нам ранее фактов и характеристик, относящихся к политике правительства в Сибири. В то же время, это сочинение И.П. Барсукова представляет немалую историческую ценность как сборник исторических документов: первая книга содержит в себе обширную переписку Муравьева со своими братьями и друзьями, ранее не публиковавшуюся, а вторая включает 162 документа, относящихся к деятельности Муравьева (преимущественно к ее «сибирскому» периоду): некоторые его записки и проекты по разным делам, а также донесения великому князю Константину, императорам Николаю I, Александру II и их министрам. Все эти документы впервые увидели свет благодаря И.П. Барсукову.

Со времени присоединения к России, Сибирь стала местом высылки «лихих и опальных» людей. Чрезвычайно широкая система пенитенциарных учреждений явилась одной из компонент, существенно отличавших Восточные окраины от других имперских территорий. Управление каторгой и ссылкой, таким образом, было специфической чертой местных администраторов губернского и генерал-губернаторского уровня. М.Н. Гернет первым из советских исследователей начал изучать проблему использования самодержавием карательных мер против за-

¹ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: В 2-х т. М., 1891.

² См.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 180-181.

рождавшегося революционного движения¹. В своем фундаментальном исследовании он, в частности, рассмотрел некоторые вопросы управления и законодательства о сибирской ссылке. Одним из последователей М.Н. Гернета стал А.Д. Марголис, современные исследования которого отличает высокий уровень обобщений и богатая источниковая база². Специфические функции местных администраторов по управлению каторгой и ссылкой, как один из сюжетов, рассматриваются в публикациях С.В. Кодана³.

В последние годы значительно увеличилось число исследований по проблемам местного управления дореволюционной России. Существенным образом изучение проблем организации местного управления и взаимодействия губернских органов с центральной властью продвинулось благодаря работам М. М. Шумилова, П.И. Гаркуши, Ф.Т. Тухтаметова⁴.

В монографиях этих авторов рассматриваются исторические и правовые аспекты функционирования института губернатора в Российской империи. Эти работы позволяют более четко позиционировать российского губернатора – «хозяина губернии» – в системе местного управления, определить его право-

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1-3. М., 1946–1961.

² Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995.

³ Кодан С.В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856). Иркутск, 1980; Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 24-40; Он же. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983; Он же. Сибирская политическая ссылка в карательном механизме самодержавия 1825–1861 гг. Автореф. дис... канд. юр. наук. М., 1986; Кодан С.В., Шостакович Б.С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.) // Ссылочные революционеры в Сибири. Иркутск, 1991. Вып. 12.

⁴ Шумилов М.М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в.: Учебное пособие по спецкурсу. Л., 1988; Он же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991; Он же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в.: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 1992; Гаркуша П.И. Правовой статус института губернаторства в России. Р-на-Дону, 2004; Тухтаметов Ф.Т. Институт губернатора России: сравнительно-исторический очерк. Уфа, 2004.

вой статус, проследить процесс генезиса правовых аспектов губернского управления на разных этапах развития государства. Монографии позволяют выяснить систему взаимоотношения губернатора с центральными ведомствами, которые во многом зависели от его личных качеств, наличия неформальных связей в российской столичной и местной политической элите.

В отличие от системы губернского правления, институт генерал-губернаторской власти на окраинах страны до недавнего времени оставался крайне слабо изученным. Самые общие сведения, скорее справочного характера, содержатся в учебных пособиях по истории государства и права и истории государственных учреждений дореволюционной России. П.А. Зайончковский также оставил лишь самые краткие сведения о генерал-губернаторах первой половины XIX в. и почти ничего не написал о так называемых окраинных генерал-губернаторах¹.

В последние годы вышли в свет две крупные монографии, посвященные институту генерал-губернаторов Российской империи². В работе Л.М. Лысенко впервые в отечественной историографии проведено комплексное исследование институт губернатора и генерал-губернатора в системе государственной власти Российской империи на различных этапах ее 200-летнего существования³. Системный подход позволил углубленно рассмотреть вопросы правового положения губернатора, его статус, разграничение компетенций, отношения с генерал-губернаторами и органами местного самоуправления. Основными чертами губернской власти в России автор считает централизм, единоначалие, преобладание отраслевого принципа над территориальным, охранительно-полицейские функции (с конца XIX в.). Исследователь рассматривает мо-

¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 144–149. Больше внимания он уделит временным генерал-губернаторствам 1879–1882 гг. См. также: Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66.

² Лысенко Л.М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. М., 2003; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2-х тт. Под ред. В.В. Черкесова. СПб., 2001.

³ Лысенко Л.М. Указ. соч. М., 2003.

дель административно-политического управления окраинами на разных этапах (на стадиях вхождения, пребывания и выхода окраин из состава империи.) через призму института генерал-губернатора. В результате Л.М. Лысенко приходит к выводу о том, что конечной целью процесса присоединения окраин с помощью института генерал-губернатора были, скорее, геополитические соображения, чем экономические и колониальная эксплуатация. Помимо позиционирования генерал-губернатора и губернатора в системе иерархии власти, как важнейшего инструмента становления и развития Российской империи, инкорпорации окраин в состав единого государства, автор воссоздает социально-исторический портрет российского губернатора как части политической элиты. На основе метода персонификации истории и статистического анализа в монографии представлены типажы губернаторов в историческом контексте и намечены суммарные количественные и качественные характеристики губернаторского корпуса. При этом автором собран, унифицирован и проанализирован банк данных более чем на 2000 губернаторов и 200 генерал-губернаторов. Во второй половине XIX в. генерал-губернатор все больше превращается из инстанции, пусть и чрезвычайной, местного управления в фигуру политическую, основная цель деятельности которой заключается в поддержании и укреплении целостности империи. Это заметно уже и в том, что генерал-губернаторская власть, как правило, сохраняется на окраинах или в тех регионах, где политические обстоятельства требуют местной централизации управленческих усилий.

Отличительной чертой коллективной монографии «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи» является солидная источниковая база – преимущественно состоящая из архивных материалов и нормативных актов. Это позволило авторам провести исследование эволюции института генерал-губернаторства во временном периоде XVIII – начала XX вв. Во втором томе работы представлены основные документы, отражающие развитие этого института. Полезными све-

дениями являются приложения с биографическим справками о генерал-губернаторах Российской империи¹.

Высшая сибирская бюрократия середины XIX столетия является предметом исследования Н.П. Матхановой². Оригинальность ее подхода заключается, прежде всего, в оценке имперской политики на окраине через призму личности сибирских генерал-губернаторов. Выработанная автором методология исследования, подход к рассмотрению сибирских сюжетов во взаимосвязи с российскими сюжетами, использованные методы и приемы компаративистики, принципы и критерии стратификации материала вполне могут быть применяемы и к исследованиями аналогичных вопросов в других регионах империи. Кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири автор анализирует на основе формальных (чин и должность) и неформальных (реальный объем властных полномочий) критериев. На основе этого Н.П. Матханова впервые в отечественном сибиреведении сумела доказательно определить круг лиц, относящихся к формальной элите сибирского общества и дать их характеристики³.

Институт российских генерал-губернаторов привлек внимание и зарубежных исследователей. В частности, он стал предметом исследования американского историка Джона ЛеДонна⁴. Автор прослеживает изменения, происходившие в системе генерал-губернаторской власти в период конца XVIII – начала XIX вв. По словам ЛеДонна, если при Екатерине II генерал-губернаторы являлись гражданскими представителями Сената,

¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. СПб., 2003.

² Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998; Она же. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

³ Дамешек И.Л. Институциональный подход в современном отечественном сибиреведении // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 4 (41). 2004. С. 100-101.

⁴ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // *Jb. für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden. 1999. Bd 47, H. 1. P. 56-88; II. The Southernfrontier // *Ibid.* Wiesbaden, 2000. Bd 48, H.2. P. 161-183; III. The Easternfrontier // *Ibid.* Bd 48, H. 3. P. 321-340.

то при Павле I, активно поволившем политику централизации, генерал-губернаторы были сохранены только в приграничных областях. Дальнейшее развитие институт генерал-губернаторов получил во времена императора Александра I. Это в значительной степени способствовало усилению самодержавной власти на периферии империи. В своей первой статье автор через призму семейных и служебных связей правящей элиты проводил анализ карьеры 33 российских генерал-губернаторов, служивших на западных окраинах страны. ЛеДонн отмечает, что, несмотря на то, что генерал-губернаторы традиционно назначались императором, существовало негласное правило о том, что эти назначения должны были удовлетворять основным кланам. Таковыми в России были семейство Салтыковых и Нарышкиных-Трубецких. Свою третью статью автор посвятил генерал-губернаторам восточных окраин, особое внимание уделив деятельности М.М. Сперанского и реформе 1822 г. Автор отмечает, что генерал-губернаторы на востоке страны подолгу оставались на своих постах. Анализ семейных связей 14 генерал-губернаторов восточной окраины показал, что трое из них косвенно были связаны с Салтыковыми, а девять – с Нарышкиными-Трубецкими¹.

В своем исследовании ЛеДонн приходит к выводу о том, что генерал-губернаторы были не столько администраторами, занимающими определенное место в бюрократической иерархии с соответствующими правами и обязанностями, сколько членами правящей элиты, чья карьера определялась политикой столицы и борьбой кланов за преобладание при дворе. Генерал-губернаторы являлись, прежде всего, посредниками между центром и периферией, а также между разными этническими группами в периферийных регионах. В то же время автор, восстанавливая справедливость, отмечает, что некоторые генерал-губернаторы были значительно больше, чем посредники – они выступали как проконсулы со своими программами. Ермолов,

¹ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 2000. Bd 48, H. 3. P. 334.

Воронцов, Сперанский – внесли существенный вклад в освоение окраин и их инкорпорацию в империю¹.

Подводя итоги, можно сказать, что реформа местного управления, проводимая сегодня у нас в стране, обусловила возрастание интереса к истории губернаторской и генерал-губернаторской власти². Отражением современного динамичного процесса федерализма стал возросший интерес к локальной (региональной) истории. Региональная (или национальная) история стала одним из важных факторов формирующей идеологии региональной политики. Власти сибирских и дальневосточных городов, областей и краев, национально-территориальных образований разного уровня также проявляют повышенный интерес к местной истории. В результате многие субъекты Российской Федерации стремятся создать собственную историю и выстроить галерею своих предшественников³.

В основе данного пособия лежит широкий круг источников различного типа.

Важное значение для изучения функционирования института генерал-губернаторов рассматриваемого периода имеют нормативные акты самодержавия, опубликованные в первом, втором и третьем «Полном собрании законов Российской империи», в Сводах законов империи, ряде специальных изданий. Автором было выявлено значительное количество указов, манифестов, «учреждений» и иных нормативных актов самодержавия, представляющихся важными источниками для понимания принципов и основ функционирования генерал-губернаторов.

¹ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 2000. Bd. 48, H. 3. P. 338–340.

² Губернаторство в России: история, современность и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 3. С. 3–21; Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Сергиенко В.А. Губернаторы Сибири (1708 – февраль 1917 гг.) в современной региональной историографии // 55 лет Кемеровской области: Материалы научно-практической конференции. Кемерово, 1998; Бердников Л.П. Вся красноярская власть. Красноярск, 1995.

³ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000; Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII–XX вв. Тюмень, 2000; Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.

Задача выяснения особенностей образования и деятельности института генерал-губернаторской власти, стоявшая перед автором, повлекла за собой необходимость изучения социологии отряда высших региональных управленцев. Это позволило в конечном итоге гораздо полнее, чем делалось ранее, представить особенности функционирования данного института власти на окраинах государства, принципы подбора потенциальных кандидатов на должность, их возможные деловые и иные качества. Первостепенное значение для характеристики генерал-губернаторского и губернаторского корпуса имеют послужные и формулярные списки. Методика работы с такого рода документами впервые была обстоятельно изложена П.А. Зайончковским¹, конкретизирована в исследованиях С.В. Мироненко², а на сибирском материале успешно применена Н.П. Матхановой³. Формулярные и послужные списки содержат сведения о возрасте, сословном происхождении и образовании, вероисповедании, основных этапах служебной карьеры и связанных с ней поощрениях, наградах, подчас и взысканиях, если таковые имели место, семейном и имущественном положении. К сожалению, на основе анализа формулярных списков нельзя определить национальность человека, поскольку таковые сведения у этого рода документов отсутствуют. Всего автором было изучено 25 формулярных и послужных списков сибирских генерал-губернаторов. Если учесть, что за исследуемый в диссертации столетний период времени на высших государственных должностях в регионе находилось 28 человек, то получается, что репрезентативность выборки составляет около 90%. Иными словами, достоверность приводимых статистических и иных сведений представляется достаточно высокой. Следует также отметить, что методика сравнительного анализа, используемая при подготовки монографии, повлекла за собой необходимость выборочного изучения формулярных списков представителей генерал-губернаторского корпуса других окраинных террито-

¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.

² Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

³ Матханова Н.П. Указ. соч.

рий империи, например, Дальнего Востока и Средней Азии. Используемые автором формулярные и послужные списки на сегодня опубликованы в различных справочных изданиях¹ и сборниках документов².

Среди делопроизводственных исторических источников, характеризующих принципиальные подходы самодержавия к региональной политике, следует выделить группу документов личного происхождения, отложившихся в коллекции печатных записок библиотеки РГИА. Как правило, это подлинники, не встречающиеся в других архивных фондах и вышедшие из под пера высших сановников государства – министров, главноуправляющих, председателей и секретарей комитетов и комиссий, деятелей церкви. В силу отмеченного обстоятельства материалы фонда несут на себе сильный отпечаток личного происхождения. Но именно это субъективное мнение авторов документа дает нам богатую информацию о планах, намерениях и проектах деятелей государства и церкви в отношении Сибири. Поскольку значительная часть материалов коллекции не предполагалась к публикации и имеет личную подпись, то в данном случае не стоит и традиционный вопрос об авторстве документа. В хронологическом отношении большая часть материалов коллекции, используемых автором, охватывает период второй половины XIX – начала XX в. Для характеристики принципиальных изменений в правительственном подходе к организации управления в Сибири в начале 80–90-х гг. XIX в. особую ценность имеет программа деятельности Иркутского генерал-губернатора А.П. Игнатьева, рассчитанная «примерно» на 10 лет³.

Несомненно важное значение для характеристики деятельности генерал-губернаторов в крае имеют источники личного происхождения – воспоминания, дневники, эпистолярное наследие. Прежде всего отметим воспоминания местных жителей

¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российском империи. Т. 1. СПб., 2001; Власть в Сибири в XVI – начале XX века. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002.

² Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 291-300.

³ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131.

– современников описываемых событий – сибиряков, политических ссыльных различных эпох и направлений, местной интеллигенции, государственных служащих, иных лиц. В пособии сравнительно полно представлены воспоминания второй четверти XIX в. благодаря рассказам иркутян (купцов, чиновников и почетных граждан), опубликованных В. Вагиным¹, мемуарами Н. Белоголового², А. Падерина³, И. Калашникова⁴, В. Вагина (в рукописях и опубликованных)⁵, записками декабристов⁶. К этому же типу источников относится целый комплекс мемуаров о Н.Н. Муравьеве. Этот генерал-губернатор был наиболее популярной «мишенью» для мемуаристов. Данное обстоятельство представляется не случайным: такая колоритная личность, как Н.Н. Муравьев, неизменно привлекала к себе внимание прежде всего благодаря активной Амурской политики. Авторами воспоминаний о Муравьеве, как правило, являлись сослуживцы⁷ генерал-губернатора или люди, знакомые с ним лично⁸. Характерной чертой этих воспоминаний является оценка Муравьева как личности и администратора, без затрагивания осуществленных им преобразований в местном управлении. Однако среди воспоминаний первой половины XIX в. наибольшую ценность представляют мемуары Б.В. Струве и В.И. Вагина. Информативная ценность отмеченных мемуаров достаточно высока пре-

¹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., Т. 1. Приложения.

² Белоголовый. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 235-486.

³ Падерин А.М. Записки сибиряка // Земля Иркутская. 1995. № 3. С. 63-67; № 4. С. 60-64.

⁴ Калашников И. Записки иркутского жителя // Записки Иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 255-397.

⁵ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 81; Вагин В. Сороковые года в Иркутске. В кн.: Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.

⁶ Записки декабриста Н.В. Басаргина // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1973. С. 12-76.

⁷ Милютин Б.Л. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 317-364, 595-635; Струве Б.В. Воспоминания о Сибири // Русский вестник. 1888. № 4-6.

⁸ Венюков М.И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский // Русская старина. 1882. № 2. С. 523-526; Заборинский И.А. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. // Русская старина. 1883. № 6. С. 623-658.

жде всего благодаря хорошему профессиональному знакомству их авторов с Сибирью.

Для второй половины XIX столетия отметим значение воспоминаний И.И. Попова – редактора газеты «Восточное обозрение», который, по его собственным словам, «12 лет ... руководил сибирским общественным мнением, вел газету, которая являлась авторитетным и всеми признанным толкователем сибирского направления...»¹. Воспоминания И.И. Попова – несомненно важный источник изучения формирования взглядов сибирской интеллигенции на правительственную политику в регионе. Эти мемуарные повествования содержат большой хронологический перечень событий, свидетелем или участником которых был сам автор. Наряду с несомненно яркими характеристиками многих исторических личностей (например, генерал-губернаторов), данные воспоминания доносят до нас и определенный колорит эпохи, представление автора, принадлежащего к близким к сибирскому областничеству социальным группам, о целях и задачах правительственной политики в Сибири, о месте региона в имперском пространстве России. В этом смысле к мемуарам И.И. Попова примыкают и воспоминания идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, опубликованным в серии «Литературное наследие Сибири»².

¹ Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Иркутск. 1989. С. 7.

² Литературное наследие Сибири. Тт. 6, 7. Новосибирск, 1983, 1986.

Становление и эволюция института генерал-губернаторской власти в Российской империи

История генерал-губернаторской власти в России своими корнями уходит в петровскую эпоху. Уже в указах начала XVIII в. упоминаются термины «губернатор» и «губерния»¹, а в ряде царских указов 1706 г. фигурируют понятия Ингермаландская «губернация» и губерния². Однако это лишь эпизодические упоминания новых должностных лиц и административных образований. Возникновение генерал-губернаторской власти как политической силы непосредственно связано с тотальной системой государственных преобразований и первой областной реформой Петра I в частности³, важнейшей задачей которой стало выстраивание эффективной вертикали власти на всей территории складывающейся империи. Страна была разделена на восемь губерний во главе с губернаторами – представителями знатнейших фамилий или сподвижниками Петра. Однако уже тогда во главе двух из них – Ингермаландской (с 1710 г. Петербургской) и Азовской были поставлены генерал-губернаторы, которыми стали А.Д. Меньшиков и Ф.М. Апраксин. Среди исследователей нет единой точки зрения на предмет значения этого звания в петровскую эпоху. Такой авторитетный знаток истории губернаторской власти в России, как И.А. Блинов, опираясь на анализ нормативных документов, полагал, что эта должность не давала каких либо дополнительных рычагов власти, никак не регламентировалась инструкциями, а была лишь почетным

¹ Соколов К.Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7; ПСЗ-1. Т. № 1910.

² ПСЗ-1. Т. IV. № 2097; № 2310 и др.

³ В полном Собрании законов этот указ датируется 18 декабря 1708 г. (ПСЗ-1. Т. № 2218), однако М.М. Шумилов такое утверждение считает ошибкой, отмечая, что начало первой областной реформы следует отнести к 1710 г. См.: Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 14.

титулом¹. Думается, однако, что это не совсем так. Не отрицая почетного значения титула генерал-губернатора, обратим внимание на Азовскую губернию. Назначение туда Ф.М. Апраксина с титулом генерал-губернатора было примечательным по ряду позиций. Новоиспеченный генерал-губернатор не только принадлежал к ближайшим сподвижникам Петра, но в отличие от остальных губернаторов (в том числе, своего родного брата П.М. Апраксина, назначенного «просто» губернатором в Казанскую губернию), имел звание генерал-адмирала, а с 1700 г. возглавлял адмиралтейский приказ. В тот период времени Азовская губерния не только находилась на окраине государства, являясь сопредельной территорией, но и была, своего рода, буферной зоной, защищавшей южные земли России от разорительных набегов крымских татар. Кроме того, именно Азов был избран Петром в качестве базы для строительства Российского флота, чему преобразователь придавал исключительно важное значение. Поэтому представляется, что назначение туда администратора, пусть даже с почетным, не дающим юридических преимуществ титулом, было неслучайным. Тем самым Петр подчеркивал свое личное отношение и доверие к этому лицу, его заслуги перед отечеством, отличие от остальных в системе чиновничьей иерархии. По сути, этот первый прецедент, как бы, предвосхитил известный впоследствии принцип личного особого доверия монарха к генерал-губернатору (наместнику), получивший развитие в нормативных документах империи более позднего периода. Характерно также, что уже к концу первой четверти XVIII в. генерал-губернаторы возглавляли не только столичные (Санкт-Петербургскую и Московскую), но важные в стратегическом отношении окраинные губернии, населенные в значительной степени нерусскими народами. Последнее обстоятельство отмечено нами не случайно. Имея в виду именно его, А.Д. Градовский много позже писал, что в XVIII в. Москва «переваривала» западные окраины гораздо труднее, чем искон-

¹ Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 48. Такой же точки зрения придерживается и Н.П. Ерошкин, автор соответствующей статьи в Советской исторической энциклопедии. См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. Стб. 191.

но русские земли¹. Думается, поэтому закономерно, что в 30-е гг. XVIII в. окраинные Рижская и Ревельская губернии возглавлялись генерал-губернаторами, а «внутренние» русские – Воронежская, Смоленская и др. – губернаторами.

Таким образом, отметим, что генерал-губернаторская власть в России возникает в период образования империи. С первых десятилетий своего существования, она, наряду со столицами, получает «прописку» на окраинах государства, заселенных в значительной степени нерусскими народами. Сама основа этой системы управления базировалась на рационалистической идеологии полицейского государства, предусматривающей регламентацию всех сторон жизни общества.²

Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти приходится на вторую половину XVIII в. и связано с губернской реформой императрицы Екатерины II. Уже в «Наставлении губернаторам» от 21 апреля 1764 г.³ сквозит мысль о «поверенной» от государя особе, как «главе и хозяине» врученной его «смотрению» огромной территории и находящейся в непосредственном подчинении императрицы и Сената⁴. Однако в наиболее концентрированном виде эта идея нашла выражение в «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи», которые современные российские историки справедливо относят к важнейшим законодательным актам эпохи царствования Екатерины⁵. В результате претворения «Учреждения» в жизнь в России к концу XVIII в. была создана новая схема административно-территориального деления и управления, характерной чертой которой стал принцип унификации управления на всей территории империи⁶. Исследователи административно-территориального устройства России отмечают хорошо продуманную схему деления, осуществленную Ека-

¹ Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 302.

² Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. С. 32.

³ ПСЗ-I. Т. № 11091.

⁴ Там же. Т. 16. № 12137.

⁵ Власть и реформы. СПб. 1996. С. 173-174.

⁶ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 89.

териной. Сама административная нарезка была осуществлена в соответствии с характером долговременных экономических связей, историческими традициями, научными принципами, в соответствии с которыми на территории губернии должно было проживать от 300 до 400 тысяч человек. «Дабы губерния порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех сот до четыре сот тысяч душ», – подчеркивалось в ст. 1¹. Любопытно, что примерно такое же количество населения включали в себя крупные административные единицы ведущих буржуазных стран Европы; так департаменты Франции в XIX в. охватывали по 400 тыс. жителей, графства Англии – по 450². Все это позволило сохранить новую схему административного устройства вплоть до конца XIX столетия. Отмеченные выше факторы приводили к устойчивости всего политического строя страны, а принципы унитарного государства, заложенные в основу реформы, способствовали длительному сохранению России, как имперского государства³.

К началу XVIII в. Россия в административном отношении делилась на 18 губерний, ко времени появления «Учреждения» число их возросло до 23, а к концу XVIII столетия до 50⁴. Однако основная особенность реформы заключалась не в разукрупнении губерний, что само по себе, несомненно, способствовало их лучшей управляемости. Главное заключалось в другом. Для управления губерниями создавался институт государственных наместников или генерал-губернаторов, которым непосредственно подчинялись правители губерний, т. е. губернаторы. В ведении наместника обычно находилось 2-3 губернии, а всего страна была разделена на 20 наместничеств. Екатерининское «учреждение» о губерниях как и сам институт наместников не раз анализировался исследователями⁵. Поэтому отметим, что

¹ ПСЗ-1. Т. № 14392. Ст 1.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 296.

³ Административно-территориальное устройство России. С. 90.

⁴ См.: Киселов Н.С. Заметка о разделении России на губернии в XVIII веке // Русский архив. 1863. М., 1866. С. 626-627.

⁵ Наряду с уже названными работами К.Н. Соколова, А.Д. Градовского, И.А. Блинова отметим: Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1874. С. 51.

новая система в значительной степени способствовала децентрализации управления, поскольку в генерал-губернаторствах была образована сложная система учреждений, в то время как в столице, в Сенате, был сосредоточен лишь общий надзор¹. Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории: уголовная, гражданская, казенные палаты, он отвечал за организацию: казенных сборов, рекрутские наборы и т. д. Генерал-губернаторам пограничных территорий особо поручалось «бдение от соседей...»². Таким образом, наместник одновременно осуществлял общий надзор и руководство всеми губернскими учреждениями. Несмотря на столь обширные полномочия, генерал-губернатор не мог вмешиваться в судебные дела: «ибо он есть яко хозяин своей территории, но не судья»³.

Изначально все «государевы наместники» были обязаны лично представлять императрице ежегодные отчеты («рапорты») о «благополучном состоянии губерний, о спокойствии и безопасности в них, и о всех чрезвычайных, важных и примечания достойных происшествиях ...ежемесячно». При этом Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И.В. Якоби из-за отдаленности было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялось 15000 руб. в год⁴.

Со времени Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно⁵. Потенциальный генерал-губернатор, был, как правило лично хорошо известен императору, вполне доказал свою политическую благонадежность и преданность идеалам монархии. Кроме того, немалое значение придавалось послужному списку кандидата. Генерал-губернатор являлся никем иным, как представителем самого императора в конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Эта ситуация была неизменной на про-

¹ Соколов К.Н. Указ соч. С. 124.

² ПСЗ-1. Т. № 14392. Ст. 59, 87, 89.

³ Там же. Ст. 85.

⁴ ПСЗ-1. Т. № 15734, 15821.

⁵ Пестель И.Б. Бумаги // Русский архив. 1875. Кн. 4. С. 374.

тяжении двухсот лет существования генерал-губернаторской власти. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть, главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае»¹. Эти обстоятельства способствовали тому, что должность наместника (генерал-губернатора) приобрела «особый характер политической власти»². Единая Российская империя оказалась поделенной на несколько крупных территориальных образований с совершенно особым управлением с полуцарьком во главе. Генерал-губернаторская власть развивалась не встречая «ни преград, ни предостережения»³.

Указом от 13 июля 1781 г. в России было введено 17 должностей генерал-губернаторов⁴. Из вновь назначенных генерал-губернаторов 16 были не просто кадровыми военными, а крупнейшими военачальниками, отличившимися в войнах екатерининского времени. Не случайно, 6 из них были удостоены звания генерал-фельдмаршала – одного из наиболее почитаемых в России⁵. В связи с темой нашего исследования отметим двух – Пермского и Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина и Иркутского и Колыванского В.И. Якоби, которым пришлось решать совершенно специфические вопросы, связанные с особенностями экономического развития и управления этих окраинных наместничеств. Во-первых, уже тогда с учетом большой разбросанности этих территорий были установлены особые штаты с соответствующими расходами. Так, например, на содержание присутственных мест Иркутской губернии выделялась наибольшая сумма – 275 367 руб., в то время как на следующую за ней Вологодскую и Пермскую соответственно 184 615 и 165 753 руб.⁶ Специальным указом в числе первоочередных

¹ Свод законов. Изд. 1892 г. Т. 2. Общее губернское учреждение. Ст. 208.

² Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. С. 310.

³ Соколов К.Н. Указ соч. С. 139.

⁴ ПСЗ-1. Т. 21. № 15771.

⁵ Институт генерал-губернаторства... С. 53.

⁶ Институт генерал-губернаторства ... С. 60.; ПСЗ-1. Т. 24. № 17494. Книга штатов от 8 августа 1796 г.

задач генерал-губернатора Е.П. Кашкина императрица определила попечение о развитии горно-металлургической промышленности края. Эти особенности деятельности высшей местной администрации сохранялись и впредь. Уже после образования Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1822 г. забота о развитии золотодобычи в крае, урегулирование взаимоотношений между казной и Кабинетом, владельцами государственных и частных предприятий Алтайского горного округа находилась постоянно в центре внимания генерал-губернатора Западной Сибири¹. Иркутскому и Кольванскому генерал-губернатору И.В. Якоби наряду с развитием золотодобычи в Нерчинском горном округе много пришлось заниматься вопросами русско-китайских торговых отношений², которые требовали завидного дипломатического искусства. Проблема взаимоотношений России с сопредельными странами, в первую очередь с Китаем, по наследству перешла к приемникам Якоби на посту генерал-губернатора Восточной Сибири. Во второй половине XIX в. правительство специальными постановлениями и инструкциями не раз подтверждало особые полномочия Иркутских генерал-губернаторов на дипломатические переговоры с Китаем³.

Таким образом, отметим, что в ходе введения института наместников в конце XVIII в., как и в эпоху Петра I, в деятельности генерал-губернаторов на окраинах территорий можно наблюдать специфические обязанности, которых не было у их коллег из внутренних губерний империи. Большая часть этих функций вытекала из особенностей экономического развития и геополитического положения этих регионов. Такую особенность организации управления империей применительно к концу XVIII в. А.Е. Пресняков выразил следующими словами: «Обширность пространства, значительное разнообразие областных условий, экономического быта и расселения, племен типов и

¹ Соболева Т.Н. Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Томск, 1987.

² Силин В.П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947; Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985.

³ Об этом подробнее см. ниже.

культурных уровней – сильно усложняли задачу организации управления»¹.

В эпоху Павла I институт наместников был упразднен, но уже в начальные период царствования Александра I вопрос о судьбе наместников стал одной из основных проблем, обсуждаемых в контексте преобразований системы управления империей. На заседании 11 июля Непременный совет решительно высказался за восстановление должности генерал-губернаторов, предполагая каждому из них, как и при Екатерине II, поручить управление несколькими губерниями. Однако в отличие от Екатерининского учреждения, в Сибири предполагалось учредить не два, а одно генерал-губернаторство, объединив Пермскую, Тобольскую и Иркутскую губернии².

Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти находилось в неразрывной связи с разработкой и введением министерской системы, реформой Сената и учреждением Государственного совета. Из серии проектов этого периода обращает на себя внимание план государственных преобразований М.М. Сперанского, известный под названием «Введения к уложению Государственных законов»³. Этот документ неоднократно анализировался в отечественной и зарубежной историографии⁴. Однако характерно, что внимание ученых привлекали преимущественно сюжеты, связанные с конституционными идеями М.М. Сперанского. Вопрос о судьбах окраин империи и видение этой проблемы М.М. Сперанским остались вне поля зрения исследователей. Между тем анализ данного документа позволяет утверждать, что уже тогда, в 1809 г., Сперанский, пусть в зачаточной форме, сформулировал те принципы имперского регионализма, которые наиболее концентрирован-

¹ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 147.

² Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьковского университета. Вып. 72. Горький, 1964. С. 159.

³ Этот документ неоднократно перепечатывался в различных изданиях XIX в., однако его наиболее полный текст был обнаружен много позже и опубликован под редакцией С.Н. Валка в 1961 г. См.: Сперанский М.М. Проекты и записки. М.:Л., 1961. С. 143-221.

⁴ См., например: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995 и др.

ное выражение нашли позже в известном «Сибирском учреждении» 1822 г.¹

Во «Введении ...» Сперанский территорию империи разделил на губернии и области. Если первые мало чем отличались от Екатерининских губерний Европейской части страны, то области предполагалось учредить на окраинах государства. К ним следовало отнести Сибирь, Кавказ, Оренбургский, Новороссийский края и землю донских казаков. В отличие от губерний, управляемых на основе общих законов империи, области должны были иметь «особенное устройство», а общие государственные законы к этим территориям следовало применять с учетом «местного их положения». Именно на этих окраинных территориях в соответствии с предложениями Сперанского должен был существовать институт генерал-губернаторской власти. Таков был в общих чертах план М.М. Сперанского, одобренный Александром I в принципе. Несомненно, в этом проекте применительно к организации управления окраинами было еще немало несовершенного. Можно, к примеру, указать, что предложение о введении на окраинах империи генерал-губернаторской системы правления находилось в явном противоречии с принципами централизации власти, провозглашенных министерской реформой². К тому же постатейного варианта законопроекта не существовало и будущая генерал-губернаторская власть не получала строго регламента своей деятельности. Последующее падение Сперанского приостановило реализацию проекта. Однако сам реформатор, сознавая его несовершенство, признавал, что в тех областях империи, где существует генерал-губернаторская система правления, действие ее «с точностью не определено, и на практике она постоянно колеблется между самовластием и послаблением»³.

К проблеме возрождения генерал-губернаторской власти в империи правительство обратилось уже после окончания отечественной войны 1812 г. в связи с обсуждением вопроса об

¹ Об этом см.: М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма. (К 180-летию Сибирских реформ 1822 г.). Иркутск, 2003.

² Сафонов М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже веков. Л., 1988.

³ Цит. по: Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 313.

организации местного управления. В 1816 г. по указанию императора был составлен проект разделения России на 12 округов (наместничеств), по которому в Азиатской России предполагалось учредить особый, одиннадцатый по счету округ в составе трех губерний: Тобольской, Томской и Иркутской с Камчаткой. Столицей будущего наместничества предполагалось сделать г. Томск, а в качестве наместника назначить генерал-лейтенанта П.М. Капцевича, служившего в тот период времени командиром отдельного Сибирского корпуса. Сравнительно недавно в специальном сборнике документов и материалов по истории наместничеств был опубликован полный текст «списка губерний с распределением по наместническим округам»¹. Из примечаний разработчиков документа вытекает, что данный вариант разделения империи на наместничества сами авторы не считали окончательным. Не исключался, в частности, вариант выделения из одиннадцатого сибирского округа еще одного самостоятельного наместничества в составе Иркутской губернии, Енисейской и Якутской областей. В качестве наместника в этот округ планировался тайный советник А.С. Лавинский². Небезынтересно отметить, что оба кандидата на должности наместников сибирских округов – Капцевич и Лавинский – несколько позже действительно были назначены генерал-губернаторами. Первый – в Западную Сибирь, а второй – в Восточную. Хотя данный проект не был проведен в жизнь, обращает на себя внимание попытка определить круг обязанностей наместника. Последний освобождался от всех хозяйственных и иных забот, свойственных гражданскому губернатору, а все больше превращался в орган надзора. Всех наместников предполагалось подчинить непосредственно императору (ст. 2.). Кроме того, проект предоставлял наместнику право приостанавливать исполнение указов Сената и предписаний министерств³. По сути дела, по этому проекту наместники превращались в органы чрезвычайной власти. В случае реализации проекта принцип централи-

¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. СПб., 2003. С. 36-57.

² Там же. С. 60.

³ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах... СПб., 1864. С. 47.

зации системы управления, провозглашенный министерской реформой, находился бы в явном противоречии с децентрализаторскими тенденциями, порожденными деятельностью института наместнической власти¹. Это было одно из важных противоречий реформаторских потуг правительства Александра I по модернизации системы местного управления. Не случайно, не смотря на неоднократные попытки вопрос о конституционализации наместнической (генерал-губернаторской) власти в масштабах империи так и не был решен. По сути дела единственным практически результатом от разработки проектов стал отказ от употребления термина наместник, все более широкое употребление получает понятие генерал-губернатор.

Дальнейшее развитие идеи повсеместного введения генерал-губернаторского правления связано с тридцатилетней эпохой Николая I. По распоряжению императора все проекты реформ местного управления были переданы в особый секретный комитет 6 декабря 1826 г., который на заседании 4 мая 1827 г. рассмотрел вопрос о генерал-губернаторах. Члены комитета оказались едиными в том убеждении, что «повсеместное существование» в империи института генерал-губернаторов «едва ли может принести истинную пользу». По мнению участников обсуждения, «твердость, единство и сила управления зависят от совершенства установлений, от хорошего выбора лиц, а не от безмерной из власти»². Таким образом, очевидно, что участникам обсуждения генерал-губернаторская власть представлялась как нечто излишнее, как своего рода посредническая инстанция в сношениях между министерствами и губернаторами. По их мнению, гораздо целесообразнее было ввести «точные и единообразные правила для всех мест управления и суда», усилить власть губернского правления, а самого губернатора сделать «истинным хозяином своей провинции»³. Именно поэтому секретный комитет посчитал «повсеместное существование генерал-губернаторов» неудобным. В то же время члены комитета полагали, что в некоторых частях империи введение генерал-губернаторской системы правления «может

¹ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 189.

² Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1891. С. 145.

³ Сб. РИО. Т. 79. СПб., 1981. С. 146, 266.

быть полезно». К таким «отдаленным» местностям были отнесены Сибирь, Оренбургский и Новороссийский края, Кавказ и три Прибалтийские губернии. Основание для введения в этих местностях особой системы управления члены комитета видели прежде всего в приграничном положении этих территорий, что заставляло их «начальников заниматься разными посторонними делами, как то сношениями политическими, торговыми и проч.»¹. На заседании 28 февраля 1828 г. комитет вновь подтвердил это решение.

Анализ практики учреждения, или наоборот, упразднения генерал-губернаторств свидетельствует, что правительственные мероприятия в этом вопросе вполне соответствовали духу решения комитета 6 декабря 1826 г. Представление о географии института генерал-губернаторской власти дает утвержденное Николаем I 16 февраля 1826 г. постановление Комитета министров «О штатах канцелярий военного и генерал-губернаторов»². Наряду с генерал-губернаторствами Западной и Восточной Сибири³ эта форма правления была введена в обеих столицах. В центральных губерниях Европейской России существовало 7 генерал-губернаторств: первое объединяло Рязанскую, Тульскую, Орловскую Воронежскую, Тамбовскую губернии, второе – Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую, Пензенскую. Отдельно были выделены Смоленское генерал-губернаторство в составе губерний Витебской, Могилевской и Калужской, Архангельское, Новороссийское, Малороссийское (Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии) Оренбургское, генерал-губернаторство Грузии, Кавказа и Астрахани. Прибалтийское генерал-губернаторство включало в себя Псковскую, Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую губернии. Из этого перечня становится очевидным, что к началу второй четверти XIX в. генерал-губернаторская форма правления была введена отнюдь не во всех губерниях империи. Специальной инструкции, регламентирующей «пределы власти» генерал-губернаторов еще не

¹ Там же. С. 146.

² ПСЗ-2. Т. 1. № 154.

³ В Сибири генерал-губернаторское правление было введено в 1822 г.: ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. Подробнее см.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 101-116.

существовало¹ и формально все генерал-губернаторы были равны в своих правах. Однако в исторической литературе со времени выхода капитального исследования С.М. Середонина существует традиция противопоставления генерал-губернаторов центральных и периферийных территорий². Действительно, положение генерал-губернаторов было неодинаковым. Но в условиях абсолютной монархии определялось оно не законами (штатным расписанием и т. д.), а близостью к императору и его окружению. Со времени Петра I и до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно³. Существенное влияние на развитие института генерал-губернаторской власти оказывало отсутствие закона о деятельности «главных начальников края». Поэтому на практике генерал-губернаторы зачастую руководствовались принципами целесообразности, а не законности. В 1853 г. Комитет министров при обсуждении проекта инструкции генерал-губернаторам с сожалением констатировал, что в России «только для сибирских генерал-губернаторов и наместника Кавказского начертаны ...подробные правила об их правах, обязанностях и отношениях; все прочие генерал-губернаторы действуют донныне на прежнем основании более или менее сообразным с постановлением Учреждения 1775 г.»⁴.

В 30-40-х гг. XIX в. существенных перемен в положении генерал-губернаторов не произошло. Имевшиеся в это время изменения касались лишь вопроса об упразднении ряда генерал-губернаторств центральных, поволжских губерний и Севера России. Лишь в 1853 г. по требованию Николая I Комитет министров разработал «Общую инструкцию генерал-

¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 145.

² Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. СПб., 1901. С. 109.

³ Пестель И.Б. Бумаги // Русский архив. 1875. Кн. 4. С. 374.

⁴ Институт генерал-губернаторства... Т. 2. С. 214. Особый журнал Комитета министров от 28 апреля 1856 г. по представлению главноуправляющего II отделением с.е.и.в. канцелярии относительно составления инструкции генерал-губернаторам.

губернаторам», которая и была утверждена царем 29 мая¹. Источником для разработки инструкции стало «Учреждение 1775 г.» и законодательные наработки 30-40-х гг. Впоследствии эта инструкция без каких-либо существенных изменений целиком вошла во Вторую книгу Свода законов империи в раздел «О начальниках губернии» и повторялась вплоть до начала XX столетия². Тем самым был законодательно конституирован статус генерал-губернаторов империи, что находилось в полном соответствии с рядом других мероприятий Николая I по укреплению основ монархического строя и гиперцентрализации всех вертикальных и горизонтальных структур власти³. Появление инструкции генерал-губернаторам стало неслучайным. С одной стороны, она была призвана не только дополнить, но и более четко определить «обязанности собственно генерал-губернаторов», их взаимоотношения с центральными ведомствами (в первую очередь с министерствами) с одной стороны, и с местными губернаторами – с другой. Применительно к Сибири последнее обстоятельство приобретало особенное значение. Формально «Сибирское учреждение» 1822 г. не давало генерал-губернаторам права рекомендаций на губернаторские посты, но исследователи административной политики самодержавия в Сибири с полным основанием утверждают, что такого рода рекомендации генерал-губернаторы считали своей сферой управления, что нередко порождало острые конфликтные ситуации⁴.

В соответствии с инструкцией, генерал-губернаторы определялись как «главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства...»⁵. Важнейшая задача генерал-губернатора заключалась в «непрестанной ревизии всех действий мест и лиц, ему подведомственных,

¹ ПСЗ. Т. 28. № 217293. 2.

² Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1872 г. Ст. 415-472.; Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1892 г. Ст. 201-261.

³ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М. 1987.

⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 110.

⁵ Св. Зак. Российской империи. Т. II. Изд. 1876 г. Ст. 415.

для предупреждения или прекращения нарушения законов...». Именно генерал-губернатору «как лицу, полным доверием государя императора обличенному», предоставлялось исключительное право судить о том, насколько те или иные нарушения «противны безопасности и пользе общей...»¹. По сути дела, данная статья инструкции освобождала генерал-губернатора от необходимости руководствоваться в своих действиях любыми законами, предоставляя им право согласовывать свои действия исключительно с интересами «верховного правительства».

Наряду с перечисленными общими обязанностями, инструкция определяла и специфические функции генерал-губернатора. К таковым относилось наблюдение, чтобы юношество «получало воспитание в правилах чистой веры» и в «чувствах преданности престолу», привлечение молодых людей к государственной службе, к трудам честным и полезным. Эта идеологическая функция несла на себе несомненную нравственную печать в виде заботы о необходимости соблюдения каждым членом общества общепринятых норм поведения и морали. В инструкции особенно подчеркивалось, что своими действиями генерал-губернатор «устраняет всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям и губительному лжеумудрствованию» (ст. 424).

Важной функцией генерал-губернатора была забота о «народном здравии и продовольствии» вплоть до принятия чрезвычайных мер в случае «распространения заразы», т. е. эпидемии, и «действий от голода»². В компетенцию генерал-губернатора входило наблюдение «за ходом развития торговли и промышленности», забота о «правильной» разработке полезных ископаемых, развитии путей сообщения. Несмотря на, казалось бы, широкий круг хозяйственных обязанностей, обращает на себя внимание отсутствие их четкой конкретной регламентации. В этом смысле инструкция, как бы, противопоставляет генерал-губернаторскую власть губернаторской. Если первой более всего присущи функции надзора и контроля, то последней, наоборот, свойственна конкретная хозяйственная деятельность.

¹ Там же. Ст. 417.

² Там же. Ст. 429.

Политический характер власти генерал-губернатора, как высшего должностного лица региона, проявился в праве представлять «чиновников лично ему известных» на выдвигание, к наградам и другим поощрениям. Министрам и главноуправляющим свои распоряжения по «всем ... предметам» деятельности края следовало «передавать исключительно в губернии не иначе, как через генерал-губернаторов». Всем «начальникам губернии и...прочих мест и лиц» инструкция предписывала безоговорочно выполнять «требования и предписания генерал-губернатора»¹. Таковы основные положения инструкции генерал-губернаторам 1853 г. Она не просто конкретизировала статус генерал-губернатора, но придала ему характер высшей государственной власти, действовавшей на месте. Эта власть, основанная на личном доверии монарха, приобрела характер чрезвычайной политической власти. Последнее со всей очевидностью вытекает из 451 ст. закона: «никакая новая мера или особое распоряжение, относящаяся до благоустройства, общей пользы и казенного интереса в крае не предпринимаются иначе, как по предварительному истребованию соображений и заключения генерал-губернатора», – говорилось в ней.

Таким образом, возникнув в период Петровских преобразований преимущественно как административно-хозяйственная, к началу эпохи «великих реформ» генерал-губернаторская власть приобрела чрезвычайный политический характер. Она не прижилась в Европейской части страны, но получила дальнейшее развитие на окраинах, в местностях, на особом положении управляемых. В соответствии с теорией «местных особенностей», в середине XIX в. к таковым были отнесены губернии: сибирские, Оренбургская, Кавказская, Новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Отмеченные особенности географии генерал-губернаторской власти в империи не являются случайными. Нам уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства². Характерной чертой этого

¹ Там же. Ст. 457.

² Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма С. 37-64.

процесса была его полиэтничность и многовариантность вхождения окраинных земель в состав России. Эти обстоятельства и порождали особенности местного управления. Наступление же русской цивилизации на данной окраине приводило к отмиранию самой идеи особенных правил для конкретной территории. Однако на новых землях «особенные» порядки устанавливались вновь¹. Во внутренней политике империи можно отчетливо наблюдать стремление к административно-финансовой унификации с одной стороны, и необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин государства – с другой. Способность российской государственности учитывать эти «своеобразия» в практике административно-территориального устройства, законодательстве, конфессиональной политике обеспечивала не только эффективность и устойчивость имперского механизма управления, но, в конечном итоге, и само существование империи как таковой.

¹ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 1. С. 338.

Специфика функционирования генерал-губернаторской власти в Сибири

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобством управления и безопасностью границ. Однако даже реализация одного из них – доходности края – применительно к столь различным по основным параметрам территориям, как, к примеру, Сибирь, Кавказ или Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий. Это породило поливариантность модели управления. Именно такая мозаичная управленческая практика позволяла империи успешно решать сложнейшие задачи регионального своеобразия.

Несмотря на существующие различия окраинных земель, общим признаком окраин империи, управляемых на «особом положении», было наличие в ней генерал-губернаторской власти. Упразднение последней означало высокую степень интеграции данной территории в систему общероссийских экономических, политических и социокультурных связей. Именно глубиной интеграции, сменой внешнеполитических ориентиров, возросшими внутривнутриполитическими осложнениями следует объяснять изменения в географии генерал-губернаторской власти во второй половине XIX в. Немаловажную роль в этом играла и позиция Министерства внутренних дел, стремившегося посредством упразднения должности генерал-губернатора усилить свои позиции в регионе. Уже в конце 50-х гг. было ликвидировано Черниговское, Полтавское, Харьковское генерал-губернаторство, упразднена должность генерал-губернатора Витебской, Могилевской, Смоленской губерний. В 1866 г. упразднен пост генерал-губернатора в Петербурге. В 1874 г. упразднено Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство, в 1876 г. Прибалтийское, в 1881 г. – Оренбургское.

Однако эпоха буржуазных реформ и контрреформ принесла для генерал-губернаторской власти немало и иных перемен. Вторая половина XIX в. характеризуется активными действиями русской дипломатии на Дальневосточных и Среднеазиатских рубежах. Включение этих территорий в состав империи – процесс длительный и весьма противоречивый. Однако начавшееся одновременно с этим властное освоение новых земель повлекло за собой необходимость разработки модели организации их управления и административного устройства. Военная активность на Тихом океане и Средней Азии, соседство и соперничество с Китаем, Японией, Англией требовали создания на новых территориях сильной административной власти. Существенным фактором были и обширные пространства новых земель. Этот фактор оказывал влияние не только на конфигурацию новых административных образований, но и на статус и полномочия местных органов власти. Немаловажную роль играли и такие обстоятельства, как национальный состав коренных жителей, их взаимоотношения с пришлым, в большинстве своем русским населением. Таким образом, геостратегическое положение новых земель оказывало прямое воздействие на полномочия административных органов новых территорий. Закономерно поэтому, что в качестве оптимальной формы высшего местного административного управления была признана генерал-губернаторская модель. Характерно, что инициатива в данном вопросе исходила одновременно от двух министерств – военного и внутренних дел¹.

Июльским указом 1868 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство². Его геополитические особенности наложили отпечаток на полномочия высшей местной администрации. Генерал-губернатор являлся одновременно не только главой высшей местной власти, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Наряду с этим, он наделялся и дипломатическими полномочиями для ведения переговоров с соседними государствами.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. 1882. Д. 47.

² Об этом см.: Бекмаханова Н.Е. Многоконфессиональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1986. С. 80-84.

Конфигурация Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя две области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в г. Верном, неоднократно менялась. Характерно, что на территории Туркестана в 60-х–80-х гг. XIX в. действовали одновременно четыре «Временных положения об управлении». Лишь в 1886 г. начала действовать единая система, утвержденная Государственным советом и императором¹.

Вслед за Туркестаном на карте Азиатской России появилось еще одно генерал-губернаторство. Указом от 18 июля 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири было упразднено, а губернии Тобольская и Томская подчинены непосредственно Министерству внутренних дел. Одновременно с этим правительство объявило об организации Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омске в составе Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей². Однако на этом изменения в административной нарезке Сибири не закончились. Указом от 16 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство из Амурской, Забайкальской, Приморской областей и о. Сахалин. На этом, собственно, завершились преобразования института генерал-губернаторов. Виленское, Ковенское и Гродненское; Киевское, Подольское, Волынское; Иркутское, Приамурское, Степное и Туркестанское генерал-губернаторства³. За период с 1905 по 1917 гг. было вновь восстановлено Кавказское⁴ и упразднено Виленское, Ковенское и Гродненское генерал-губернаторства. Характерно, что 5 из 9 постоянных генерал-губернаторств располагались на территории Азиатской части империи, отличавшейся ярко выраженным национальным, конфессиональным колоритом и управляемых на особом положении⁵. Данные законоположения, а также упо-

¹ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

² Об этом см.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1997. С. 8-87.

³ Институт генерал-губернаторства... Т. 1. С. 246.

⁴ ПСЗ III. Т. 25. отд. 1. № 25891.

⁵ В 1903 г. в МВД вновь обсуждался вопрос о подчинении губерний Западной Сибири генерал-губернаторскому ведению, однако он не был положительно решен. См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. 1904 г. Д. 28.

минавшаяся ранее инструкция 1853 г., определяли характер деятельности и правовой статус этих особо уполномоченных верховной властью государственных служащих.

Административное устройство и способы управления конкретными территориями, как известно, зависят от многих факторов: исторических условий, типологии политической системы государства и т. д. Существенное влияние на формирование объективных особенностей деятельности региональной власти оказывает географическая среда. Думается, не следует сводить понятие влияния географической среды только к формированию пространственной конфигурации административных единиц. Она в немалой степени влияет и на функции административных учреждений. На примере Азиатской России можно наблюдать прямую взаимосвязь между размерами территорий и властными полномочиями различных инстанций. В России в эпоху Николая I возобладало мнение, согласно которому Азиатская часть империи в силу удаленности от центра страны, больших размеров территорий, приграничного положения пестрого этнографического состава населения нуждается в особой системе управления. Прямым порождением этой теории стало генерал-губернаторское правление, по характеристике известного русского правоведа А.Д. Градовского «власть чрезвычайная», сохранившаяся на азиатских пространствах империи вплоть до 1917 г.¹ Деятельность этой системы власти регламентировалась общеимперским законодательством. В то же время для каждого из четырех генерал-губернаторств Азиатской России – Иркутского, Приамурского, Степного, Туркестанского – были приняты специальные законоположения, определяющие особенности деятельности генерал-губернаторской власти на данной конкретной территории. Метод компаративизма дает возможность определить специфические черты генерал-губернаторского правления в каждом из перечисленных регионов империи.

В Сибири одной из особенностей генерал-губернаторской системы стало создание советов Главных управлений Западной и Восточной Сибири, как совещательных органов при главном территориальном начальнике края. Идея коллегиальных со-

¹ Градовский А.Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 324.

ветов, как противовеса «самовластию» генерал-губернатора, принадлежала М.М. Сперанскому. Он был абсолютно убежден в том, что Сибирь сильно отличается от внутренних губерний империи и применение к ней общероссийского законодательства невозможно. Основную причину вопиющих беспорядков, вскрывшихся во время ревизии 1819 г., Сперанский видел в образе управления, «краю сему несвойственном». Это убеждение заставляло ревизора-реформатора искать противовес самовластию чиновников всех рангов, в том числе и генерал-губернаторов¹. Таким противовесом и призваны были послужить советы, созданные по «сибирскому учреждению» 1822 г. при главных управлениях обеих частей Сибири. Характерно, что по замыслу Сперанского советы следовало учредить на всех уровнях сибирского управления – от генерал-губернаторского до окружного. Из анализа штатов «сибирского учреждения» со всей очевидностью вытекает, что их основная задача заключалась в корректировке единоначалия властей. Обосновывая идею необходимости введения советов, Сперанский в отчете по обозрению Сибири писал о том, что «власть личная» легко «перерождается в злоупотребления и всегда может иметь вид самовластия»². В условиях Сибири, «где нет еще публичности мнения и где по недостатку дворянства и быть оно долго еще не может», подозрения в самовластии многократно возрастают. В итоге советы Главных управлений создавались под председательством генерал-губернатора. В его состав входило три советника «яко производители дел» по назначению генерал-губернатора и три советника от министерств: финансов, внутренних дел и юстиции. Последние назначались в совет по представлению указанных министерств, при этом предполагалось, что они станут проводниками ведомственных интересов на местах. Члены совета получали соответствующее жалование. Как уже отмечалось, штатным расписанием 1826 г. его размер определялся в 3000 руб. в год. Сперанский сознавал, что правильнее было бы составить его (совет – Л. Д.) из лиц, «местному управлению посторонних», расширить его состав, включив

¹ Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. Ч. 2. С. 23.

² Там же. С. 81.

туда представителей дворянства и купечества «по выборам». Однако, по мнению реформатора, на момент разработки законопроектов «сибирского учреждения» это было невозможно. В Сибири, констатировал он, «нет дворянства и весьма мало купечества». Составление совета из людей «высшего сословия» казалось Сперанскому делом отдаленного будущего, когда Сибирь «более будет иметь населения, когда богатства ее придут в дальнейшее движение и доходы умножатся»¹.

В «сибирском учреждении» подробно прописан механизм деятельности совета. Все его решения носили рекомендательный характер и могли быть проигнорированы генерал-губернатором. Однако в случае разногласия членов совета закон предусматривал возможность высказывания «особого мнения», которое записывалось в журнал заседания и докладывалось генерал-губернатору. Закон четко делил все обсуждаемые вопросы на две категории: решение одних зависело «от непосредственного действия генерал-губернатора», а другие следовало предварительно обсудить и «уважить в совете». Анализ сущностного содержания рассматриваемого в этих двух инстанциях вопросов не позволяет усомниться в том, что непосредственно в компетенции генерал-губернатора входили наиболее важные вопросы². Таким образом, генерал-губернатор по прежнему сохранял в своих руках все нити управления краем. Административная зависимость от генерал-губернатора создавала последнему большие возможности для воздействия на «мнение» членов совета. Принципиально важным является то обстоятельство, что право принятия окончательного решения по спорному вопросу принадлежало исключительно генерал-губернатору. Имея в виду отмеченное обстоятельство, критики «сибирского учреждения» впоследствии не раз «выговаривали» Сперанскому за это. Известный общественный деятель Сибири В.И. Вагин в своих воспоминаниях не без укоризны замечал, что «первым условием программы Сперанского были гласность и публичность деятельности власти. Но именно этого условия

¹ Прутченко С. Указ. соч. С. 83.

² ПСЗ-И. Т. 38. № 29125. Ст. 31-33.

и не выполняет учреждение»¹. На практическую бесполезность деятельности советов не раз обращал внимание один из идеологов сибирского областничества Н.М. Ядринцев². Косвенно подтверждая это, газета «Восточное обозрение» отмечала, что «в управлении генерал-губернаторов в Сибири отражалось немало личного, случайных страстей, симпатий и антипатий, предубеждений, пристрастий, так что целые учреждения, повинувшись капризу администратора, выходили постоянно за круг предписанных им законом действий и приноравливались к обстоятельствам»³. Думается, однако, что с подобными категорическими высказываниями можно согласиться лишь отчасти. Действительно, изучение практической деятельности советов Главных управлений свидетельствует об их сильной зависимости от генерал-губернаторов. Но в унитарном государстве, каким была романовская империя, иначе и быть не могло. Не случайно действующее законодательство провозглашало генерал-губернатора высшим представителем и блюстителем интересов империи в регионе.

В то же время нельзя не заметить, что «сибирское учреждение» выделяло достаточно широкий круг вопросов, которые подлежали обязательному предварительному обсуждению в совете. Это касалось общего надзора за движением дел, вопросов хозяйственного управления, ряда юридических толкований. Кроме того, существовала пусть небольшая, но, тем не менее, категория дел, по которым совет мог принять окончательное решение простым большинством голосов: это были судебные дела, которые выносили на рассмотрение советов главных управлений губернаторы в связи с их несогласием с решениями губернских судов.

Таким образом, в «сибирском учреждении» 1822 г. содержалось два взаимоисключающих себя положения: идея о единоличном правлении генерал-губернатора и попытка ограничить это правление деятельностью коллегиальных советов. Сопоставление данной особенности генерал-губернаторского прав-

¹ Вагин В.И. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.

² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб. 1892. С. 519-520.

³ Восточное обозрение. 1889. 2 фев.

ления в Сибири с деятельностью этой системы власти в других районах империи позволяет охарактеризовать ее как совершенно уникальное проявление имперского регионализма, характерное только для данного региона. Даже в других азиатских генерал-губернаторствах империи, несмотря на все их своеобразие, не было ничего подобного. Высказывания областников о нежизнеспособности идеи советов и тем более об их полной бездеятельности представляются излишне полемичными. Лучшим доказательством этого являются постоянные ходатайства сибирских генерал-губернаторов в различные правительственные инстанции об упразднении советов.

Такого рода обращения особенно усилились в 50-х гг. XIX в. и связаны с именем Н.Н. Муравьева. Замышленная им масштабная программа административных преобразований в Восточной Сибири требовала, по его убеждению, сосредоточения всей полноты власти в руках генерал-губернатора и, как следствие, упразднения советов¹. В 1851 г. отвечая на поставленный перед ним великим князем Константином Николаевичем вопрос об особенностях управления Сибирью по учреждению Сперанского и, что особенно хочется подчеркнуть, «в кокой мере они (особенности – *Л.Д.*) в последнее время приличествуют краю», Муравьев напрямую заявил, что «сибирское учреждение покойного Сперанского пользовалось наибольшей известностью» при жизни автора. В действительности же в законодательном отношении оно оказалось весьма замысловатым, а «в применении к делу в Сибири ...небезукоризненным»². Однако тогда реализовать идею единоначалия в масштабах всего генерал-губернаторства Муравьеву не удалось. Сибирский комитет оценил ее как попытку коренной ломки «сибирского учреждения» 1822 г., а это вызывало серьезные опасения правительства. По мнению членов комитета «разные неисправности (в управлении Сибирью – *Л.Д.*) происходят от неисполнения правил сибирским учреждением предписанных...», а не от отсутствия оных и решительно высказался против пересмотра законов 1822 г.³ Последовательным противником упразднения советов

¹ РГИА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 3 об.

² ГАРФ. Ф. 722. Оп.1. Д. 431. Лл. 12-14.

³ ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.

выступил Главноуправляющий вторым (кодификационным) отделением с.и.в. канцелярии статс-секретарь Д.Н. Блудов. Он полагал, что сибирские губернаторы и так находятся «слишком далеко от надзора не только высшего правительства», но «даже и местных генерал-губернаторов». Упразднение советов, предполагаемое Муравьевым, должно было неминуемо повлечь за собой не только концентрацию единоличной власти в руках губернаторов, но полнейший хаос в рассмотрении текущих дел¹. Тем не менее, именно тогда были сделаны первые шаги по слому идеи Сперанского о коллегиальных советах. Первого июня по предложению Муравьева была учреждена Забайкальская область² и одновременно расширены права Якутской областной администрации³. В обеих областях вводился так называемый упрощенный порядок ведения дел, которые теперь поручались областному правлению, а не губернаторскому совету. Положение об управлении Забайкальской области состояло из 39 статей, Якутской из 26, но ни в одной из них должность советника не была упомянута⁴. В 1860 г. Муравьев попытался добиться согласия правительства на введение такой же системы управления в губерниях Енисейской и Иркутской⁵, однако его предложения встретили резкие возражения министра финансов А. Княжевича⁶. Следует заметить, что Княжевича беспокоило не предполагаемое упразднение советов, а возможное сокращение налоговых поступлений от сибирских губерний в результате коренного пересмотра учреждения 1822 г., чего в конечном итоге и добивался Муравьев. Несогласие министра финансов с предложениями Муравьева оказалось решающим фактором при обсуждении их в высших правительственных инстанциях, и проект был отклонен.

Следующим шагом по отмене совещательных советов в Восточной Сибири стало учреждение в 1856 и 1858 гг. Приморский

¹ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. 1851 г. Д. 50. Лл. 74-76.

² ПСЗ-2. Т. 26. № 25394.

³ Там же. № 25395.

⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. Д. 1032. Лл. 2-10.

⁵ РИГА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 59.

и Амурской областей¹. В именных указах были подробно прописаны обязанности глав новых административных образований, определены их штаты. Последние, по признанию самого Муравьева, были утверждены правительством «в самом сокращенном виде»². По разработанному Муравьевым положению управление новыми областями подразделялось на главное и местное. Первое являлось прерогативой генерал-губернатора, второе – военного губернатора областей «как по военной, так и по гражданской части». При военном губернаторе состояло военное управление, ведавшее регулярными и казачьими войсками области, канцелярия и другие чиновники. Ни о каких советах в этом положении уже не было и речи³.

Жесткий приговор «сибирскому учреждению» 1822 г. вынес приемник Муравьева на посту генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков. Уже в одном из первых отчетов по управлению краем он в качестве образца организации губернского управления ссылался на опыт Якутского и Забайкальского областных правления, действовавших без всяких советов, и предлагал распространить «этот опыт» на Иркутскую и Енисейскую губернию. «Сокращенный» вариант губернского правления был, по мнению Корсакова, гораздо более жизнеспособным⁴.

Постоянная критика со стороны генерал-губернаторов коллективных советов влекла за собой неуклонное падение их престижа как органов управления краем. По распоряжению генерал-губернаторов на рассмотрение советов нередко выносились вопросы, на которые не было ответа у самих главных начальников края. Так, по указанию Корсакова губернским и областным советам Восточной Сибири было поручено высказать свои суждения по такому вопросу, как возможность применения в Сибири положений крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. Точно также поступил генерал-губернатор Западной

¹ ПСЗ-2. Т. 31. № 31080; Т. 33. № 33862; Алексеев А.И. Указ. соч. С. 157; История Дальнего Востока СССР. М., 1991. С. 226-227.

² ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1655. Д. 60. Л. 29 об.

³ Там же. Лл. 29-34 об.; Там же. Оп. 12. Д. 705. Лл. 1-5.

⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1740. Д. 148. Лл. 24-27; РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 1. Лл. 14-15.

Сибири А.И. Дюгамель¹. Рассмотрение этого вопроса тянулось много лет, пока Н.П. Синельников, вступивший на пост генерал-губернатора Восточной Сибири в 1871 г., не признал, что идея эта в Сибири еще долго «будет... неосуществима»².

Служба советником Главного управления, весьма престижная поначалу, утратила свою привлекательность и стала рассматриваться как заурядная, малоодоходная и довольно скоро на этих должностях оказались весьма обычные чиновники. Анализ формулярных списков членов ГУВС за середину 80-х гг. свидетельствует, что никто из них не получил не только высшего, но 30% не имели даже среднего образования³. Большинство советников были людьми преклонного возраста, для которых эта должность стала пиком служебной карьеры. Типичной в этом отношении является фигура члена ГУВС Сукачева, состоявшего в 1867 г. членом совета от Министерства внутренних дел. Сын священника, закончивший среднее учебное заведение в г. Харькове, он прибыл на службу в Сибирь в 1819 г. и начал ее в должности канцелярского служителя. Первый классный чин коллежского регистратора Сукачев получил 1822 г. За 48 лет службы он вырос до действительного статского советника – редкая карьера для человека его сословного происхождения – и получил прибавочное жалование в размере 7000 руб. в год⁴. Однако такая карьера для большинства советников была скорее исключением, чем правилом. При негативном отношении генерал-губернаторов к самой должности, и как следствие к людям, ее занимающим, на большее рассчитывать было невозможно. Положение советников еще усугублялось и тем обстоятельством, что они не стали представителями «своих» министерств в Сибири – на практике центральные ведомства просто забывали об их существовании, а генерал-губернаторы демонстративно игнорировали заседания советов, попросту не являясь на них, или поручая их ведение гражданскому губернатору⁵. Много позже в 1903 г. в Министерстве внутренних дел была составлена любопытная справка

¹ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 1. Лл. 14-15.

² Там же. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 30. Л. 2.

³ Подсчитано по материалам: ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 1870. Лл. 129-135.

⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 381. Лл. 90-109.

⁵ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь.... Омск, 1997. С. 120.

о причинах упразднения советов. Анонимный автор, стараясь быть беспристрастным, тем не менее признавал, что самым фактом подчинения генерал-губернатору, как высшему должностному лицу региона, советы изначально были поставлены «в положение, крайне затруднявшее течение дел». Более того, предоставление генерал-губернатору права единоличного принятия решений в случаях несогласия с мнением совета «уже в первую пору деятельности этого учреждения» устраняло «всякое деятельное участие его на направление и разрешение дел», а со временем само существование этих коллегиальных органов стало «признаваться бесполезным»¹. Естественно, что негативное отношение генерал-губернаторов Сибири к коллегиальным советам не оставалось незамеченным в Петербурге. Не случайно, при открытии новых генерал-губернаторств в Азиатской России – Туркестанского в 1868 г., Степного в 1882 г. и Приамурского в 1884 г. – советов в структуре органов управления новых административных образований уже не было. После упразднения в 1882 г. западносибирского генерал-губернаторства совет продолжал действовать только в Восточной Сибири. В конечном итоге решающий вклад в дело упразднения советов внесли два генерал-губернатора – Д.Г. Анучин и А.П. Игнатьев.

Сменивший в 1885 г. Анучина новый генерал-губернатор А.П. Игнатьев оказался еще более последовательным сторонником идеи упразднения советов. По его мнению, за последние десятилетия Сибирь «из малоизвестной страны, населенной инородческими племенами» превратилась в «единое целое со всей великой Россией» и утратила те свои особенности, которые и порождали специфические черты в организации управления краем. Государственная точка зрения, по мысли А.П. Игнатьева, требует рассматривать Сибирь «наравне с коренными областями России» во всех отношениях, в том числе и в формах и способах управления². А посему, Сибири, как и другим административным образованиям империи, нужна сильная, об-

¹ Библиотека РГИА. Печатные записки. Историческая справка о порядке управления Сибирскими губерниями и областями. С. 10-11.

² Библиотека РГИА. Печатные записки. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири ... С. 1.

личная доверием императора власть, не стесняемая какими-либо коллегиальными советами.

После преобразования генерал-губернаторства Восточной Сибири в Иркутское в 1887 г. совет Главного управления прекратил свое существование, а его функции перешли к канцелярии генерал-губернатора. Таким образом, коллегиальные советы просуществовали в Западной Сибири 50 лет, в Восточной на пять лет больше. В свое время само появление идеи советов отразило стремление Сперанского учесть природный фактор в организации территориально-административных органов. Однако этот же географический фактор влиял и на круг полномочий административных органов в регионах. Особое значение при этом имело приграничное положение крупных территориальных образований, их удаленность от центра.

Царские власти всегда уделяли особое значение отношениям России с соседними государствами, так как это служило важным условием обеспечения военной безопасности государства. Именно опасениями такого рода следует объяснять серию указов Ивана IV, запрещающих русским людям под страхом смертной казни проникновение на территорию сибирского царства¹. Однако ситуация принципиально изменилась после того, как Сибирь оказалась в составе Российского государства. Формирование новых государственных границ и их охрана стали одной из важных функций московского, а впоследствии – петербургского правительства. Однако не только вопросами безопасности границ руководствовались российские власти, определяя круг внешнеполитических полномочий высших руководителей окраинных регионов. Не менее значимую роль играли вопросы территориального расширения империи, усиления политического влияния России в соседних странах, установления выгодных экономических связей с сопредельными государствами. Подобные устремления России вызывали естественное противодействие со стороны ряда азиатских и европейских государств, стремящихся к усилению собственного влияния в этих же регионах.

¹ См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972.

Процесс формирования Азиатско-Тихоокеанских границ России даже к середине XIX в. не был завершен. Сама по себе эта граница была еще очень аморфной, своего рода буферной зоной, которую государство рассматривало как военно-экономический плацдарм для дальнейшего расширения империи. (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье для Приамурья; Приморский край – для Манчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии)¹. Таким образом, особенность геостратегического положения азиатских территорий империи выдвигала перед российским правительством, как бы, двуединую задачу: закрепление новых территорий в составе России, в том числе путем усиления безопасности границ – с одной стороны, и дальнейшего расширения имперского пространства, сферы влияния империи – с другой. Существенную роль в решении этой задачи была призвана сыграть региональная власть, в деятельности которой уже на ранних этапах русской колонизации Зауралья можно наблюдать сочетание элементов внутренней и внешней политики. Но если первое направление – внутривластная деятельность – вытекало из самой сути региональной власти, то решение задачи территориального расширения империи требовало соответствующих внешнеполитических полномочий. В XIX в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Средней Азии эти вопросы решались при активном участии генерал-губернаторской власти, что предопределило важную особенность ее функционирования, отразившуюся в нормативных документах и практической деятельности.

Следует однако заметить, что практика предоставления сибирским властям особых внешнеполитических полномочий не была принципиально новым явлением во взаимоотношении центра и периферии. Еще на начальных этапах интеграции Сибири в Россию московское правительство своими указами пре-

¹ Эта мысль была высказана А.В. Ремневым на научно-теоретическом семинаре, состоявшемся в Иркутске 13-15 ноября 2003 г. См.: Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начала XX вв.) // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков: Материалы научно теоретического семинара. Иркутск, 2003. С. 27.

доставляло сибирским правителям ряд важных полномочий по ведению дипломатических и торговых сношений с пограничными государствами. Корни этой дипломатической самостоятельности следует искать в деятельности сибирского приказа, официально открытого в Москве в 1637 г. В отличие от других приказов, он сочетал в себе территориальные и функциональные направления деятельности. Политическая и географическая удаленность Сибири от центра страны предопределили важную особенность в деятельности сибирского приказа, в компетенции которого, наряду с обязанностями по снабжению населения края продовольствием, вином и т. д., находились дипломатические дела¹. Исследователи истории Сибири XVII в. отмечают еще одну важную особенность деятельности местных органов власти. Вслед за С.В. Бахрушиным², А.Н. Копылов обратил внимание на гораздо более широкие полномочия Сибирских воевод по сравнению с их «коллегами» из Европейской России³. Поскольку через Сибирь шли тогда торговые караваны ногайских и бухарских купцов, русское правительство стало вменять в обязанности сибирских воевод ответственность за организацию таможенных сборов. В данном случае экономические функции сибирских воевод переплетались с внешнеэкономической деятельностью. В то же время воеводы ряда порубежных городов получали право и сугубо дипломатических сношений с государствами монгольского мира⁴. Так уже на начальных этапах русской колонизации Сибири природный фактор оказывал непосредственное влияние на определение обязанностей и полномочий местной администрации в части внешнеполитической деятельности.

Отмеченная выше особенность прослеживается и в XVIII столетии. Первому Иркутскому генерал-губернатору И.В. Яко-

¹ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 125.

² Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 111. Ч. 1. М., 1955. С. 253-262.

³ Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI – XVII вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общ. наук. М., 1965. № 9.

⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 117.

би еще во время службы в Селенгинске, в самом начале своей карьеры, неоднократно приходилось ездить в Китай в качестве уполномоченного российской стороны. Позднее, дослужившись до полковника, он участвовал уже в съездах с китайскими представителями, на которых обсуждались русско-китайские торговые отношения. Став генерал-губернатором в 1783 г. он много сил приложил для дальнейшего развития этих отношений. Примечательно, что причиной отставки Якоби стала именно его внешнеполитическая деятельность. Неизвестный доносчик обвинил его в стремлении обострить отношения России с Китаем¹.

Особенности геостратегического положения Сибири вызывали необходимость автономности местной администрации, в том числе в части внешнеполитической деятельности. Характерно, что именно на этой специфической стороне деятельности сибирских властей можно наблюдать определенные противоречия децентрализаторских и централизаторских тенденций, свойственные внутренней политике самодержавия в целом. С одной стороны, правительство в лице Министерства иностранных дел пыталось жестко контролировать и направлять всю деятельность местной администрации в части внешнеполитической. Оно вмешивалось в решение даже таких вопросов, которые, как казалось, были весьма далеки от круга непосредственных обязанностей министерства, но, как полагали в этом ведомстве, отвечали стратегическим целям внешней политики России. Примером этому может служить серия «особых совещаний», проведенных в Петербурге в период с 1898 по 1901 гг., на которых обсуждался один вопрос – «о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье»². На все предложения Синода и Иркутского генерал-губернатора об административном, т. е. насильственном ограничении влияния ламаизма, Министерство иностранных дел всегда жестко отвечало отказом, считая, что при помощи буддизма Россия сможет усилить свое влияние в Монголии, Китае и других странах. Подобные же соображения властями различных уровней высказывались и поз-

¹ История правительствующего Сената за 200 лет (1711–1911). Т. 2. СПб., 1911. С. 6239, 791.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 62. Отд. 2. Д. 300. Лл. 2-5.

же. В одной из записок, поданных Министерством иностранных дел на имя председателя Комитета министров в 1903 г. прямо отмечалось, что российская религиозная политика в отношении забайкальских бурят имеет огромное значение «по связям этих племен с Китаем и Тибетом»¹. Подобный интерес главного внешнеполитического ведомства империи к традиционным религиозным верованиям и обычаям инородцев можно наблюдать и на примере других окраин государства. Известно, что в 1871 г. Министерство иностранных дел выступило против предложений Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана о предоставлении ему права регулировать нормы мусульманского вероисповедания². По мнению министерства, это неминуемо должно было привести к падению авторитета России в мусульманском мире Средней Азии. С такой позицией российского МИДа трудно не согласиться.

В то же время, значительная активизация деятельности России на Дальневосточных и Среднеазиатских направлениях в XIX в. влекла необходимость принятия оперативных решений на месте. В сановном Петербурге хорошо понимали это и были вынуждены предоставлять местным властям дозированную самостоятельность во внешнеполитической деятельности. Важно еще раз отметить, что внешнеполитический аспект деятельности высшей местной администрации в лице генерал-губернаторов был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников края и проявлялся в самых различных, подчас весьма неожиданных вариантах. Несомненным доказательством этого является установление особого режима пограничных и приморских управлений. На протяжении XVIII и XIX вв. неоднократно пересматривался статус Охотского приморского управления. Административной реформой 1822 г. на Дальнем Востоке были образованы Охотское и Камчатское приморские управления, а в Забайкалье – Троицкосавское пограничное управление³. В задачу последнего входили не только обычные в таких случаях функции пограничной служ-

¹ Библиотека РГИА. Печатные записки. № 255. Записи и прошения, поданные Председателю Комитета министров по инородческим вопросам.

² Институт генерал-губернаторства и наместничества. ... Т. 1. С. 224-225.

³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. Ст. 13.

бы, но и охрана границы и обеспечение безопасности торговли. Позднее Троицкосавск был напрямую подчинен иркутскому генерал-губернатору. Внешнеполитическая активность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе была в значительной степени обеспечена административными преобразованиями Н.Н. Муравьева на Дальнем Востоке с одной стороны¹ и его стремлением упрочить положение империи в этом стратегически важном районе мира – с другой. Однако достижение последнего было невозможно без соответствующих международных соглашений России с сопредельными странами. Но именно этим соглашениям Россия в значительной степени оказалась обязанной Н.Н. Муравьеву. Одним из проявлений «автономизма» генерал-губернатора Восточной Сибири в части внешнеполитической деятельности стало получение Муравьевым в январе 1854 г. правительственной инструкции, объявляющей генерал-губернатора высшей инстанцией в сношениях России с Китаем по вопросу о границе². Любопытно, что инициатором этого решения выступал сам Муравьев. В 1853 г. во время пребывания в Петербурге он подал императору записку, в которой предложил начать переговоры по вопросу о разграничении границы с Китаем, поручив ведение самих переговоров местным властям, т.е. фактически себе³. Но это обстоятельство не меняет принципиальной оценки факта признания особой автономной роли Иркутского генерал-губернатора на переговорах с Китаем. Известной долей автономии во внешнеполитической деятельности пользовался и генерал-губернатор Западной Сибири. В данном случае, как и в Восточной Сибири, она тесно переплеталась с осуществлением главным территориальным начальником края своих политико-административных полномочий. Созданная по инициативе Сперанского в 1822 г. область сибирских киргизов конечной целью имела усиление военно-стратегического при-

¹ Их анализу посвящен специальный раздел в монографии И.Л. Дамешек. См.: Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 133-163.

² Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири... С. 174.

³ См.: Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Т. 1. 1891. С. 321-322; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. С. 133.

сутствия России в Степном крае. Обсуждаемый во второй половине XIX в. вопрос об административных границах Западной Сибири был тесно связан с активизацией внешнеполитической деятельности России на среднеазиатском направлении. Фактор отдаленности от центра, приграничное положение территории, знание конкретного материала позволяло западносибирским генерал-губернаторам играть в этом процессе далеко не последнюю роль. Как правило, они участвовали в качестве экспертов во всех закрытых комиссиях по обсуждению вопросов усиления роли России в этом регионе. Именно территория Западной Сибири и Оренбургского генерал-губернаторства послужила своего рода военно-экономическим плацдармом для продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию¹.

Компаративный анализ особенностей внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов Азиатской России позволяет утверждать, что глубина ее автономности находилась в прямой зависимости не только от длины расстояния до столицы, но и от позиций России в регионе в целом, ее дипломатического влияния на сопредельные страны, личного авторитета генерал-губернатора. В этом смысле наибольшей независимостью пользовался Туркестанский генерал-губернатор Кауфман. В его руках была сосредоточена огромная административная и военно-политическая власть, вся среднеазиатская политика. Он был уполномочен российским правительством начинать военные действия, вести мирные переговоры, руководить дипломатическими представительствами России в соседних с Ташкентом государствах. Как в 1858 г. Н.Н. Муравьев в Айгуне, К.П. Кауфман сыграл решающую роль в разработке и подписании в 1873 г. Русско-Бухарского и Русско-Хивинского договоров².

Важной предпосылкой формирования особенностей управления Сибири на всех уровнях был этнический фактор. Он сказывался на методах властного основания новых территорий, их политико-административном устройстве и т. д. Россия всегда

¹ Об этом подробнее см.: Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул, 2003.

² Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи. (XIX в). Уфа, 1999. С. 73-74; История внешней политики России... С. 109-111.

была страной многонациональной. Уже со времен Древней Руси в районе Новгорода по соседству со славянами проживали не-славянские племена: меря, весь, чудь и др. По мере продвижения границ русского государства на восток этническое разнообразие усиливалось. Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались религиозным многообразием. В Сибири значение «инородческого вопроса» определялось той ролью, которую играли аборигены в социально-экономическом развитии края, уплатой натурального ясака, большими массивами земли, пригодными для колонизации, этническими связями с населением сопредельных стран, отсутствием четко обозначенной государственной границы. Хотя на протяжении всей истории русской Сибири можно наблюдать снижение удельного веса коренного населения, но об абсолютном сокращении численности аборигенов не может быть и речи¹. Хотя поливариантность государственного устройства окраин империи накладывала известный отпечаток на деятельность местных органов власти и управления, в то же время можно выделить общие закономерности в решении этнополитического вопроса на всех окраинах Азиатской России.

Стратегической задачей государственной национальной политики в отношении коренного населения окраин империи была их интеграция в общероссийскую систему политических, экономических, социокультурных и иных связей. Разумеется, в каждом регионе этот процесс имел свои индивидуальные особенности, но стратегическая цель – «превращение окраин империи в Россию» – не вызывает сомнений. Если на ранних этапах колонизации Азиатских окраин империи по мере вовлечения регионов с нерусским населением в поле зрения властей правительство было вынуждено в каждом отдельном случае выработать конкретные мероприятия, то по мере усиления интеграции Сибири в Россию выработывалась концептуальная политика государства в «инородческом» вопросе. Анализ этой

¹ Дамешек И.Л. Политика государственной колонизации и этнографические процессы в Сибири XIX – начала XX вв. // Этнографическое взаимодействие в Сибири (XVII–XX вв.): Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 19-20 июня 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 100-103.

политики позволяет утверждать, что несмотря на определенные зигзаги, она, несомненно, имела свою логику развития. Опираясь на конкретно исторический материал, законодательную базу и практику ее применения можно выделить два основных этапа в политике правительства по отношению к сибирским «инородцам» в XVIII – начале XX вв. Первый этап – с начала XVIII в. до середины XIX в., второй этап – примерно с середины XIX в. и до 1917 г. Для первого этапа характерны прежде всего смена военно-мобилизационных методов взаимоотношения с аборигенами на политику административно-управленческой интеграции, венцом которой стал «Устав об управлении инородцев» 1822 г. Важной составляющей политики империи по отношению к сибирским «инородцам» на этом этапе было понимание невозможности полного подчинения этих народов действию общероссийского законодательства, доказательством чего являются попытки кодификации норм обычного права сибирских инородцев. Для второго этапа, наоборот, характерно стремление имперского правительства «уравнять» сословие сибирских инородцев с русским крестьянским населением. Подобная смена ориентиров была вызвана несколькими причинами, среди которых особенную роль играла степень интеграции Сибири в Россию, превращение Сибири из колониальной окраины в периферийную составную часть государства и выработка идеологии государственного единства и неделимости империи. Последнее явление было далеко не случайным. Возникновение идеологии государственного единства, практика его реализации в значительной степени были связаны с распространением в России национальных идей, ставших угрозой династическому имперскому патриотизму, на который традиционно опиралась романовская империя¹.

Идея государственного единства была сформулирована в 1860-х гг. М.Н. Катковым и нашла свое выражение как в законодательстве, так и в стремлении правительства идеологически обосновать новые мероприятия по отношению к нерусским подданным национальных окраин империи. Данное утверждение вполне корреспондируется со взглядами известных представи-

¹ См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

телей русского общественного мнения на задачи колониционной политики государства на окраинах. Весьма интересны высказывания на этот счет известного писателя и путешественника 70-х гг. XIX в. М.И. Венюкова. Цивилизаторская роль России по отношению к коренному населению Средней Азии была для него несомненной. Искренним желанием каждого просвещенного человека должно быть увеличение «сношений этих земель с Россией или России с ними», – отмечает он¹. Однако одного такого желания мало. Решающее значение имеет колонизация, точнее, ее цели. От решения этого вопроса зависит и все остальное. По мнению Венюкова, система колонизации не может быть универсальной, но она должна предусматривать заселение окраин русским элементом. Это приведет к ликвидации их обособленности от центральной России. В этом, по мнению Венюкова, заключается основная задача сильной местной власти².

Алогичные мысли зримо присутствуют во взглядах на рассматриваемую проблему у А.Д. Градовского – автора известных работ по истории русской государственности и права. Работая над историей генерал-губернаторств в России, Градовский провел любопытное сравнение колониционной политики европейских государств в отношении своих «иноплеменных областей» и России. Он пришел к неутешительному, с точки зрения российского человека, выводу о том, что в этих странах «выгоднее было быть немцем, французом, римлянином, чем иностранцем». В России же, с горечью констатировал он, все наоборот. Имея в виду окраины империи, Градовский заключает: «Мы желаем обрусить разные местности», но для этого, во-первых, следует призвать на помощь «все общественные силы; и во-вторых, обращаться с окраинами точно так же как с русскими областями, «изгнав все «местные условия» из политической практики»³. В Сибири решающая роль в проведении политики «сближения» сословий крестьян и инородцев отводилась

¹ Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 299.

² Там же. С. 388-389, 394-395.

³ Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 337-338.

генерал-губернаторам. Последние вполне разделяли эту новую государственную идеологию. Характерно также, что в своей политике «сближения» генерал-губернаторы были убеждены в превосходстве русской культуры, в цивилизующей миссии этой высшей культуры по отношению к культуре аборигенов. Конечная цель такой политики виделась во всеобъемлющем «приобщении» аборигенов к русской государственной жизни.

Подобные мысли были весьма созвучны со взглядами представителей высшей сибирской администрации на судьбы инородцев в составе империи. Н.Н. Муравьев еще в 1847 г. заявил, что «едва ли в скором времени не представится необходимость распространить на них («инородцев» – *Л.Д.*) действие законов общих»¹. Эту же мысль, но в гораздо более категоричной форме, высказал в 1887 г. А.П. Игнатьев², полагавший, что с государственной точки зрения Сибирь следует рассматривать не как специфический регион, а «наравне» с «прочими» губерниями России. Не случайно, что сами сибирские генерал-губернаторы, как высшие представители самодержавной власти в регионе, и стали проводниками такой политики. Однако именно это стремление к административной, политической и культурной унификации окраинных регионов с великорусским ядром империи составляло своеобразие национальной политики самодержавия. Компаративный анализ политики России в отношении народов Сибири с политикой США в отношении индейцев, европейских государств Англии, Франции и др. в отношении коренного населения «своих» колоний позволяет утверждать, что принципиальным отличием этой политики стало стремление Российских властей всех уровней интегрировать сибирские народы в систему общероссийских хозяйственных, административных и социокультурных связей и отношений, подчинить эти народы действию общероссийского политико-административного и социокультурного уклада. Это был весьма противоречивый процесс, но именно данное обстоятельство принципиально отличает политику России по отношению к народам Сибири от по-

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 389 об.

² Библиотека РГИА. Печатные записки. № 131. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. приблизительно на 10 лет.

литики США по отношению к индейцам, которые не считались подданными государства и не платили налогов¹. В Сибири же, наоборот, органической составляющей национальной политики стал процесс земледельческой колонизации, распространение православия, русской грамотности, традиций и обычаев русского народа среди аборигенов. Именно эта сторона государственной политики занимала особенное место в функциональных обязанностях сибирских генерал-губернаторов.

К региональным факторам, определявшим особенности деятельности института генерал-губернаторской власти следует отнести наличие в Сибири крупных земельных собственников, интересы которых зачастую не совпадали. Основными собственниками земель и недр Сибири выступали казна и Кабинет. Несовпадение финансовых интересов казны и Кабинета порождало административную автономию кабинетских земель в виде Алтайского и Нерчинского горных округов, управляемых по особому положению². Все остальные сибирские земли рассматривались самодержавием как находящиеся в совместной собственности казны и Кабинета. Последний, как совладелец, взимал в свою пользу ясак. Однако и казна была совладельцем сибирских земель, находящихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Она получала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчную податью. Кроме того, крестьяне и инородцы выступали и как арендаторы Кабинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. Эти финансовые противоречия земельных собственников находили известное выражение в деятельности высшей местной администрации. Еще М.М. Сперанский в донесении Александру I о Нерчинских заводах отмечал, что в результате использования труда приписных местное «серебро обходится...дороже, чем оно стоит»³. Совершенно иной точки зрения на этот счет придерживался В.Я. Руперт, неоднократно настаивавший на увеличении числа крестьян, приписанных к заводам. В отличие от

¹ Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров... Иркутск, 2002. С. 92-94.

² Подробнее см.: Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1797–1917). Новосибирск, 1973.

³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 1-2 об.

своих предшественников, Н.Н. Муравьев считал более целесообразным «производить разработку силами одних каторжан», а приписных крестьян наоборот «обратить к земледелию»¹. На протяжении XIX в. неоднократно перестраивалось и управление заводами Алтайского горного округа², что нашло отражение в целой серии законодательных актов.

Изучение истории разработки нормативной базы и самого процесса управления горными округами Кабинета позволяет утверждать, что активными участниками этих процессов и событий были сибирские генерал-губернаторы. Горные округа, принадлежавшие на правах собственности императорскому Кабинету, порождали совершенно специфический круг забот и обязанностей сибирских генерал-губернаторов, а подчас и некоторую двойственность в их положении как главных начальников края. Лишь падение монархии в феврале 1917 г. повлекло за собой упразднение этой особой формы собственности.

Важной специфической обязанностью сибирских генерал-губернаторов было управление ссылкой. На протяжении XIX в. высшая местная бюрократия неоднократно отмечала недостатки и пыталась по-новому организовать управление каторгой и ссылкой. Тем не менее, со времени выхода «Устава о ссыльных» и «Устава об этапах» в 1822 г.³ вплоть до 1913 г. эта система управления ссылкой постоянно давала сбои и являлась своеобразной головной болью для сибирской администрации всех уровней. Ниже в главе четвертой мы подробно рассмотрим этот вопрос.

Говоря о генерал-губернаторской системе управления в Сибири, следует учитывать еще одно обстоятельство: генерал-губернатор был не только высшим административным лицом в крае, но главой местного общества. Естественно, что и его семейство становилось центром этого же общества. Участие в светской жизни, представительские, благотворительные и иные функции были неуставными обязанностями генерал-губернатора, пренебрегать которыми было ни в коем случае нельзя.

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 1-2 об.

² ПСЗ-2. Т. № 29363; ПСЗ-3. Т. № 2402.

³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29128, 29129.

В выполнении этих неуставных обязанностей немало-важную роль играли культура самого генерал-губернатора, членов его семьи, в первую очередь жены, умение общения с людьми, стремление быть всегда на виду или наоборот, отсутствие оногo... Изучение жизненного пути сибирских генерал-губернаторов позволяет утверждать, что большая часть из них были людьми незаурядными. Попав в Сибирь по воле монарха и призванные законом быть верховными представителями и блюстителями его интересов на местах, многие из них довольно скоро если не превращались в истинных сибиряков, то становились настоящими радетелями интересов этого края, борниками развития культуры и образования, нравственного совершенствования всего сибирского общества.

Следует учитывать еще одно обстоятельство. В начале XIX в. собственной интеллигенции в Сибири практически не было. Ее отсутствие в определенной степени компенсировалось чиновничеством. Характеризуя последнее, лидер сибирского областничества Г.Н. Потанин отмечал, что «...эти чиновники иногда с университетским образованием ...поднимали в местном обществе не только вопросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой и вопросами общественной и государственной жизни»¹. Генерал-губернаторы как бы олицетворяли этот высший чиновничий мир, которому стремились подражать и, в известной мере, даже копировать. Разумеется, каждый генерал-губернатор вел себя индивидуально. Однако сама должность диктовала ему определенные каноны общественного поведения, за соблюдением которых незримо, но очень внимательно следило местное общество. В этом проявлялось нравственное влияние личности генерал-губернатора на окружающих его людей.

¹ Цит. по: Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 151.

Генерал-губернаторский корпус Сибири. Социологический портрет

Что же собой представляла эта верхушка правящей местной бюрократии? За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 гг. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывало соответственно 19 и 9 человек. Произведя необходимые расчеты увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Это показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917 гг.) – 6 лет, в Туркестанском (1867–1917 гг.) он был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинных генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 лет, в Финляндии – 7,6 лет. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А.С. Лавинский, В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев, М.С. Корсаков и А.Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд и П.Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И.И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф.Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н.В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А.С. Меньшикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.). Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Источники зафиксировали лишь один такой факт, связанный с

именем А.С. Сулимы, который пробыл генерал-губернатором Восточной Сибири всего 9 месяцев, но затем был переведен на аналогичную должность в Западную Сибирь. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий¹ не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например, 1879–1881, 1905–1907, в России учреждаются временные генерал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала², что соответствовало 3 и 2 классу Табели о рангах. Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Эти цифры вполне коррелируются с общероссийскими показателями. Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь пять человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: так, Сулима в 1834 г. был переведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Иг-

¹ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России... С. 88.

² В Восточной Сибири служили три штатских генерал-губернатора: А.С. Лавинский (1822–1833 гг.) имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера – имел М. Князев (1910–1916 гг.). Лишь последний Иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

натъев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором. Службу в армии продолжил Капцевич – в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства же генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 человек, Сенат – 3 человека, или иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем Востоке, в Степных и Туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. К сожалению, не все послужные списки сохранились до наших дней. Тем не менее, из оставшихся видно, что генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы, особенно первой половины XIX в., отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных кампаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич (1822–1827 гг.) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2 и 3 степени и золотой шпагой с бриллиантами. Его приемник на этом же посту И.А. Вельяминов (1827–1834 гг.) за «отличия» в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Активным участником войны с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири А.С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, Кениксбергом, Дрезденом, Лейпцигом, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н.С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3 степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно

портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галереи героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С.М. Броневский сражался в 1804-1805 г. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П.Д. Горчаков отличился в финляндском походе в 1808-1809 гг., сражении под Рушуком в Молдавии в 1810 г.; В.Я. Руперт участвовал в Русско-турецкой войне 1811-1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в губернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией. Таким образом, можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса, как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком¹, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Отсутствие последнего многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Не случайно Руперт еще до своей отправки в Сибирь предложил «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление», губернаторов впредь назначать из генерал-майоров, а окружных начальников, полицмейстеров и заседателей – из штаб и обер-офицеров². Между тем при приоритете военно-политических задач, административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора. Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий

¹ Исключением является С.М. Броневский, который до своего назначения генерал-губернатором в 1834 г. прослужил ряд лет на разных должностях в Сибирском казачьем войске, в отдельном Сибирском корпусе и в 1825 г. даже ревизовал канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири. Отмечая заслуги Броневского в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири, Московское общество сельского хозяйства дважды в 1822 и 1835 гг. наградило его специальной медалью за «усовершенствование сельского хозяйства» и открытие в г. Омске школы земледелия.

² Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь... Омск, 1995. С. 107.

региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Незнание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките¹.

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее, назначение генералов на генерал-губернаторские должности продолжалось и во второй половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н.Н. Муравьев был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М.С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д.Г. Анучин с 1865 по 1879 гг. служил Родомским, П.И. Кутайсов с 1873 по 1880 гг. был Нижегородским губернатором; А.Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Н.П. Казнаков до назначения в Сибирь был Киевским военным и гражданским губернатором, реформированием систе-

¹ Известный сибирский мемуарист этого времени нижнеудинский исправник М. Геденштром пишет о «широком произволе» принимаемых генерал-губернаторами решений, нежелании последних считаться с чьим-либо иным, пусть даже правильным, мнением. См.: Геденштром М.И. Отрывки из Сибири. СПб., 1830.

мы податей и сборов в качестве офицера Генерального штаба пришлось заниматься Г.В. Мещеринову.

Наряду с вышеназванными, следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на Дальневосточных и Среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Ниже мы подробно коснемся этой специфической особенности деятельности сибирских генерал-губернаторов. Сейчас же отметим, что некоторые из них своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, уже упоминавшийся Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 30-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже послом в Тегеране.

В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX вв. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А.П. Игнатъев и П.А. Фредерикс, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд. Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемый период времени сибирскими генерал-губернаторами служили лица, имевшие немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности.

Аналогичную картину можно наблюдать и в «соседнем» Приамурском генерал-губернаторстве. Сохранились послужные списки пяти из шести генерал-губернаторов этого региона. Из их анализа видно, что четверо из пяти в том или ином отношении не были новичками на служебном поприще, имея опыт пребывания на различных руководящих должностях еще

до своего назначения генерал-губернаторами. Так Духовский был военным губернатором Эрзерумской области, Субботич – Закаспийской, Гондатти – Сыр-Дарьинской. Кроме того, Градеков и Гондатти хорошо знали край еще до своего назначения. Первый ряд лет служил помощником Приамурского генерал-губернатора и в этом качестве ревизовал о. Сахалин, а Гондатти заведовал переселенческим отделом в Приамурье. Любопытно, что карьеры Духовского и Градекова не завершились на Дальнем Востоке. Позже они оба продолжили службу в качестве генерал-губернаторов Туркестана.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем, четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатъев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый – Н.Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23%. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Сохранившиеся формулярные и послужные списки свидетельствуют, что, как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатъев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков получили домашнее образование. По поводу последнего следует сказать особо. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII – начале XIX вв. К нему не следует относиться скептически, хотя, по мнению исследователей, оно уступало систематическому курсу гимназий. Немало зависело от подбора учителей и программы обучения, составлявшихся, как правило, индивидуально. Так, например, домашнее образо-

вание получил П.С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из крупнейших экономистов Европы¹.

К сожалению, национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в данном случае выступать в качестве критерия, поскольку они отнюдь не иллюстрируют связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Тем не менее отметим, что подавляющее большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии – например, католицизм, или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Однако лишь в единичных формулярных списках содержатся сведения о движимом и недвижимом имуществе, принадлежавшем генерал-губернаторам на правах собственности. Поэтому для надежных выводов в данном случае нет основания. Однако не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и тем более в начале XX вв. не было редкостью. Тем не менее, в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие охарактеризовать источники доходов этих высокопоставленных слуг государства. Основанием для таких суждений являются штатные расписания, которые довольно точно фиксируют основные статьи расходов на содержание генерал-губернаторов, именные указы о назначении на должность, о персональных надбавках к денежным выплатам, иные документы. В Европейской России на первом месте по размерам бюджета были Санкт-Петербургское и Московское генерал-губернаторства. В среднем на одну штатную единицу там приходилось 1700 руб. бюджетных ассигнований. В остальных генерал-губернаторствах этот показатель был значительно ниже. Следует также отметить, что во всех генерал-губернаторствах Азиатской России сметой предусматривалось от 5000 до 10000 руб. на экстраординарные расходы.

¹ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 39.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с «Учреждением для управления Сибирских губерний». В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например, жалование советника Главного управления составляло 3000 руб. в год, столоначальника – 1500 руб., советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь того же губернского правления – всего 280 рублей¹. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалования по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников, (деньги на наем жилого помещения) генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставлением им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставший впоследствии знаменитым «Белый дом». После перенесения столицы западносибирского генерал-губернаторства из Тобольска в Омск там в 50-х гг. XIX в. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно уточнение, касающееся статьи «жалование» генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которого четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период времени жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10000 руб. в год, 12000 руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в. определялся более 22000 тыс. руб. в год. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалование подчиненных генерал-губернатора. В то же время следует отметить, что на практике жалование по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственными источ-

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1652. Д. 81. Л. 2 об-3 об.

никами денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т. е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые «на обзаведение» или «прогонные» (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Эта практика была весьма распространена в первой половине XIX в., но ее рецидивы можно наблюдать и в последующий период сибирской истории. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И.Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...». Надо сказать, что надежды Пестеля оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. руб. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату долга¹. В 1837 г. В.Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10000 руб. на уплату долгов и еще 10000 для проезда в Иркутск².

М.С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10000 руб.³ Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность «главного начальника края». Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Введенное «Сибирским учреждением» 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А.И. Дюгамель, будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18000

¹ Бумаги Пестеля // Русский архив. 1875. № 4. С. 374.

² Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я.Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С.Корсаков. Новосибирск, 1998. С. 45; РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 1845. Лл. 1-18.

³ Матханова Н.П. Указ. соч. С. 344.

руб. в год, а уже упоминавшемуся М.С. Корсакову (1861–1871) было решено платить существенно больше – 23000 руб. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н.Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалования по чину – 1394 руб. 25 коп., жалования по званию генерал-губернатора – 2802 руб., столовых – 3396 руб. 72 коп., на разъезды – 1715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему – 15000 руб. Итого 24308 руб. 37 копеек¹. Оно вполне сопоставимо с жалованием его приемника на этом посту М.С. Корсакова с той лишь разницей, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М.С. Корсакова составляло: по чину 1017 руб., по званию – 2082 руб., столовых – 3362 руб. 40 коп., добавочного содержания – 14700 руб. и 1715 руб. 40 коп. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23000 руб. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2000 руб. в год. Таким образом, подчеркнем, что, несмотря на определенные различия, размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имения вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для рассмотрения временной отрезок 1860–1870-х гг. В этот период времени генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов (1866–1875) получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора – 10000 руб., добавочное – 3503, столовых – 2802 и по званию командующего войсками – 1356 руб. Итого: 17661 рублей². Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861–1871) в тот же период получал жалования по чину – 1356 руб., жалования по званию

¹ Там же. С. 226.

² Список генералам по старшинству. СПб., 1867. С. 303.

генерал-губернатора – 2802 руб., прибавочного содержания – 14700 руб., на разъезды – 1715 руб. 40 коп., столовых – 3362 руб., и пенсии – 2000 руб. Итого: 25935 рублей.¹ Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, Тобольский гражданский губернатор (1862–1867) действительный статский советник А.В. Виноградский получал всего 2687 руб., в том числе: жалованья – 1400 руб., столовых – 600 и квартирных 687 рублей²; Томский гражданский губернатор (1868–1871) действительный статский советник Н.В. Родзянко, имевший знак отличия за безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. получал существенно больше – 8032 рубля (в том числе жалованья и столовых – по 1716 руб., прибавочного – 2000, арендных – 1200 и квартирных 120 рублей), у военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н.П. Дитмара (1864–1874) оно составляло 4000 рублей – по 2000 жалованья и столовых соответственно³.

В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков Н.Г. получал жалованье в размере 20158 рублей, в том числе 3000 руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его коллеги из Восточной Сибири барона Фредерикса П.А. составляло 23856 рублей. При этом он не получал пенсии и добавочного жалованья, однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19000 рублей. К этому добавлялись 1356 рублей – жалованье по чину и 3500 – столовых⁴.

Для сравнения укажем, что именным указом от 4 января 1885 г. А.П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19000 руб. в год⁵. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось 900 руб. в год, а канцелярские слу-

¹ Там же. С. 388.

² Список гражданским чинам IV класса. СПб., 1859. С. 336.

³ Список генералам по старшинству. СПб., 1866. С. 740.

⁴ Список генералам по старшинству. СПб., 1875. С. 316, 459.

⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 123. Лл. 2 об.

жители довольствовались еще меньшим жалованьем¹. Таким образом, можно заключить, что разница годичного содержания высшей сибирской администрации и более низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалованье представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одним из определяющих факторов здесь являлась сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Приведенные данные о генерал-губернаторах позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Прежде всего отметим, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имело значительный опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В Российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

¹ ПСЗ-3. Т. № 4517.

**СИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО**

*Учреждено 22.07.1822 г. (ПСЗ-I. № 29125,
упразднено 18.05.1882 г. (ПСЗ-III. № 886)*

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

22.07.1822 – 25.07.1827	генерал от инфантерии	Петр Михайлович Капцевич
25.07.1827 – 28.09.1834	генерал от инфантерии	Иван Алексеевич Вельяминов
28.09.1824 – 28.01.1836	генерал от инфантерии	Николай Семенович Сулима
28.01.1836 – 19.12.1850	генерал от инфантерии	князь Петр Дмитриевич Горчаков 2-й
19.12.1850 – 13.01.1861	генерал от инфантерии	Густав Христианович Гасфорд
13.01.1861 – 28.10.1866	генерал от инфантерии	Александр Осипович (Иосифович) Дюгамель
28.10.1866 – 1.01.1875	генерал-лейтенант	Александр Петрович Хрушов
1.01.1875 – 19.02.1882	генерал-адъютант, генерал-лейтенант	Николай Геннадьевич Казнаков
19.02.1881 – 25.05.1882	генерал-лейтенант	Григорий Васильевич Мещеринов

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

*Учреждено 22.07.1822 г. (ПСЗ-I. № 29125). Преобразовано в
Иркутское генерал-губернаторство 21.06.1887 г.*

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

- 22.07.1822 – 6.12.1833 Действительный статский советник
Александр Степанович Лавинский
- 6.12.1833 – 28.09.1834 генерал-лейтенант Николай Семенович Сулима
- 28.09.1834 – 29.07.1837 генерал-лейтенант Семен Богданович Броневский
- 30.07.1837 – 29.06.1847 генерал-лейтенант Вильгельм Яковлевич Руперт
- 5.09.1873 – 10.08.1879 генерал-адъютант, генерал от инфантерии граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский
- 19.02.1861 – 21.01.1871 генерал-лейтенант Михаил Семенович Корсаков
- 21.01.1871 – 14.12.1873 генерал от кавалерии Николай Петрович Синельников
- 14.12.1873 – 10.08.1879 генерал-адъютант, генерал-лейтенант, барон Платон Александрович Фредерикс.
- 17.12.1879 – 1.01.1885 генерал-лейтенант Дмитрий Гаврилович Анучин
- 4.01.1885 – 1.09.1887 генерал-майор граф Алексей Павлович Игнатьев

ИРКУТСКИЕ ВОЕННЫЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

*Иркутское генерал-губернаторство учреждено 2.06.1887г.
12.06.1899 г. присвоено наименование «Иркутский военный
генерал-губернатор»*

2.09.1887 – 13.05.1889	генерал-лейтенант граф Алексей Павлович Игнатьев
26.05.1889 – 9.04.1900	генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Горемыкин
20.04.1900 – 1903	генерал-лейтенант Александр Ильич Пантелеев
1904 – 1905	генерал от инфантерии Павел Ипполитович Кутайсов
1906	Константин Михайлович Алексеев
1906 – 1910	генерал-лейтенант Андрей Николаевич Селиванов
1911 – 1916	тайный советник, егермейстер Леонид Михайлович Князев
1916 – 15.03.1916	Степан Петрович Белецкий
1916 – 1917	Александр Иванович Пильц

Следует заметить, что, к сожалению, биографические сведения, как и формулярные списки генерал-губернаторов сохранились лишь частично, поэтому сведения о некоторых из них утрачены.

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839). Родился 1 января 1772 г. в с. Черкутино Владимирской губернии в семье сельского священника. Свою фамилию (от лат. sperare – надеяться) он получил во Владимирской семинарии. Осенью 1782 г. М.М. Сперанский поступил во Владимирскую духовную семинарию и в 1790 г. окончил ее.

В 1790 г. он продолжил обучение в Академии при Свято-Троицком монастыре в Санкт-Петербурге (ныне С.-Петербургская Духовная академия), где изучал теологию, метафизику, риторику, светские курсы – математику, опытную физику, механику, историю, философию; познакомился с просветительской философией (работами Локка, Руссо, Вольтера и др.). 20 мая 1792 г., после окончания Академии, М.М. Сперанский был оставлен в ней и назначен учителем математики, физики и риторики. С 1795 г. – преподаватель философии, префект Академии. В этот период своей жизни М.М. Сперанский разработал курс «Правила высшего красноречия» (опубликован в 1844 г.), печатал стихи.

В 1794 г. М.М. Сперанский был приглашен к князю А.Б. Куракину домашним секретарем, согласился на это предложение и несколько лет совмещал эти обязанности с должностью префекта Академии. В 1796 г. А.Б. Куракин был назначен Павлом I генеральным прокурором Сената. По предложению А.Б. Куракина, в январе 1797 г. М.М. Сперанский из магистров богословия и префектов Академии перешел на государственную службу с чином титулярного советника (чин 9-го класса, с 1845 г. давал личное дворянство, ранее его получали с 14-го класса – *Л.Д.*) и зачислен в канцелярию генерал-прокурора Сената. 1 января 1798 г. он получает чин надворного советника (гражданский чин 7-го класса *Л.Д.*). Несмотря на то, что 8 августа 1798 г. А.Б. Куракин попал в опалу к Павлу I, М.М. Сперанский остался на службе. 18 сентября 1808 г. он получил чин коллежского советника (гражданский чин 6-го класса, позволял занимать средние руководящие должности (начальник отделения, делопроизво-

дитель в центральных учреждениях) – *Л.Д.*); 8 декабря 1799 г. – статского советника (гражданский чин 5-го класса. Лица, его имевшие, занимали должности вице-директора департамента и вице-губернаторов – *Л.Д.*) и награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского.

После вступления на престол Александра I успешная карьера М.М. Сперанского продолжалась. «Главным редактором при лице государя и докладчиком» был назначен Д.П. Трошинский, который поставил главой своей канцелярии М.М. Сперанского. 9 июня 1801 г. Сперанский был пожалован чином действительного статского советника (гражданский чин 4-го класса; давал потомственное дворянство. Лица, его имевшие, занимали высокие должности (директор департамента, губернатор) – *Л.Д.*).

23 января 1803 года М.М. Сперанский по протекции В.П. Кочубея был назначен начальником департамента Министерства внутренних дел. В 1803 г. по заданию Александра I Сперанский подготовил план преобразований местных судебных и государственных учреждений, указ от 20 февраля 1803 г. «О вольных хлебопашцах», о народном просвещении и т. д. 19 октября 1807 г. Александр I уволил М.М. Сперанского из Министерства внутренних дел и назначил своим статс-секретарем. (В России – это личный секретарь (докладчик) императора (императрицы) в XVIII – начале XIX вв. С XIX в. почетное звание высших сановников, дававшее право лично докладывать императору и объявлять его словесные повеления. С.-с. Государственного совета – начальник отделения Государственной канцелярии; 2) глава общегосударственного органа, центрального ведомства или министерства, член правительства, заместитель или ближайший помощник министра. – *Л.Д.*)

В 1807 – 1808 гг. М.М. Сперанский подготовил и в 1809 г. представил Александру I «Введение к Уложению государственных законов» – обширный проект конституционного переустройства России. В 1808 г. он был назначен членом Комиссии составления законов и товарищем министра юстиции. 1 января 1810 г. был создан Государственный совет и М.М. Сперанский стал государственным секретарем (В Российской империи с 1810 г. – начальник Государственной канцелярии, органа делопроизводства Государственного совета. Пост государственного

секретаря по отдельным вопросам (по правовым вопросам, по связям с общественными организациями и др.) существовал в РФ в 1991–1992 гг. – *Л.Д.*;

Однако у планов государственных преобразований М.М. Сперанского были сильные противники – великая княжна Екатерина Павловна (родная сестра императора), министр финансов Гурьев и др. В 1811 г. по их заказу, Н.М. Карамзиным была написана «Записка о старой и новой России», являвшаяся обоснованием необходимости сохранения традиций российского самодержавия. 17 марта 1812 г. Александр I отправил М.М. Сперанского в отставку и 23 марта удалил в ссылку в Нижний Новгород, а 15 сентября – в Пермь.

Опала с М.М. Сперанского была снята только в 1816 г. Именным указом от 30 августа 1816 г. Александр I назначил тайного советника (гражданский чин 3-го класса по Табели о рангах. Производство в чины 1-3 классов осуществлялось по усмотрению императора. Им соответствовали должности министра, преимущественно товарища министра, генерал-губернатора, звания сенатора и члена Государственного совета. – *Л.Д.*) М.М. Сперанского гражданским губернатором Пензенской губернии. В этой должности он пробыл два с половиной года, оставив после себя в Пензе добрую память.

Именным указом от 22 марта 1819 г. М.М. Сперанскому одновременно с назначением генерал-губернатором поручена ревизия системы управления Сибири. Основная работа по ревизии была сосредоточена в канцелярии сибирского генерал-губернатора, куда Сперанскому удалось привлечь несколько талантливых сотрудников (в их числе был и будущий декабрист Г.С. Батеньков). Канцелярия разделялась на четыре отделения, в которых дела распределялись по отраслевому принципу: I отделение занималось делами по Министерству полиции и юстиции; II отделение – по Министерству финансов; III – по министерствам внутренних дел, духовных дел и народного просвещения, а также иностранных дел; IV отделение – по Военному министерству. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др. Для расследования наиболее сложных и запутанных дел в отдельных местностях были

учреждены специальные комиссии: Нижнеудинская, Верхнеудинская, Иркутская. Специальные чиновники были отправлены с ревизией в Нарым, Туруханск и Киренский уезд, были подготовлены записки о состоянии дел в Охотского-Камчатском крае.

Ревизия выявила вопиющие случаи произвола, казнокрадства и взяточничества. По итогам ревизии был отстранен от должности генерал-губернатор И.Б. Пестель, два губернатора (томский и иркутский), 48 чиновников были отданы под суд, 681 человек оказались замешанными в противозаконных действиях (в том числе 174 чиновника и 256 «инородческих начальников»). Сумма взысканий простиралась до трех миллионов рублей.

По возвращении М.М. Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан 1 Сибирский комитет. Заручившись поддержкой А.Н. Голицына и В.П. Кочубея, а самое важное – А.А. Аракчеева, М.М. Сперанскому удалось быстро провести через Сибирский комитет свои реформаторские проекты. За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.) в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших основе «Сибирское учреждение» («Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами»).

Основную административную задачу М.М. Сперанского Г.С. Батеньков определял как желание «дать самодержавному правлению логическое, прочное, мирное юридическое устройство и, сколько возможно, облегчить и оградить его действие, требующее свыше человеческих сил». Эти принципы содержались как во «Введении к уложению государственных законов» 1809 г., так и в «Учреждении об управлении сибирских губерний» 1822 г. Между этими двумя документами лежало не просто десятилетие, но и важные политические события, оказавшие влияние на взгляды Сперанского. Отстранение от большой политики и

ссылка 1812 г., административный опыт местного управления в Пензенской губернии, а также «поправление» правительственного курса после Отечественной войны не могли не сделать из М.М. Сперанского реалиста.

Отправляясь в Сибирь, он сознавал, что для него требуется не просто ревизия и подготовка очередной реформы, но и возможность вернуться к большим государственным делам, оправдавшись в глазах не только монарха, но и влиятельных сановников. Сибирь, по мере того как Сперанский с ней знакомился, увлекла его, дала ему возможность не только восстановить попорченную там справедливость, но и реализовать, пусть далеко не все, ранее уже усвоенные им принципы административной политики. Сибирские реформы Сперанского обозначили определенный поворот в «окраинной» политике самодержавия, что свидетельствует о признании необходимости установления для Сибири особой системы управления. Это была первая попытка подойти к проблемам управления огромным, богатым ресурсами краем комплексно, что указывало на определенное стремление выработать правительственную «концепцию Сибири».

После возвращения из Сибири М.М. Сперанский стал составителем манифеста 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол Николая I. По поручению нового императора он стал членом Верховного уголовного суда над декабристами и организатором самого судебного процесса. После завершения следствия и суда над декабристами М.М. Сперанский был назначен членом Комитета 6 декабря 1826 г., призванного рассмотреть возможные проекты улучшения государственного управления. Просуществовав до марта 1832 г. Комитет подготовил проекты законов о Государственном Совете, Судебном и Правительствующем Сенатах, Комиссии прошений и др.

В 1826 г. М.М. Сперанский возглавил II отделение собственной е.и.в. канцелярии (занималось кодификацией законодательства) и руководил подготовкой и изданием 45-томного «Полного Собрания законов Российской империи» (1830) и 15-томного «Свода законов Российской империи» (1832). Последний стал основным источником действующего права Российской империи. За его составление на заседании Государственного Совета 19 января 1833 г. Николай I наградил М.М. Сперанского орде-

ном Андрея Первозванного. С 1833 г. он стал председателем департамента законов Государственного Совета. В 1839 г. под руководством М.М. Сперанского был издан 12-томный Свод военных постановлений, за что он был награжден орденом Белого Орла. Позднее были изданы Свод законов для остзейских, западных губерний и Свод законов Великого княжества Финляндского.

До конца жизни М.М. Сперанскому удавалось сохранять доверие Николая I. В 1835 – 1837 гг. он читал курс юридических наук цесаревичу Александру Николаевичу. 1 января 1839 г. был издан указ Николая I о возведении М.М. Сперанского в графское достоинство.

Умер М.М. Сперанский 11 февраля 1839 г. в С.-Петербурге. Похоронен был на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. (Подробнее см.: Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского). Иркутск, 2003. 264 с.)

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Капцевич Петр Михайлович (1772 –1840). Родился в 1772 г., выходец из дворянского рода. Окончил Артиллерийский и Инженерный корпус в 1792 г., 6 декабря 1792 г. начал карьеру в качестве поручика морских батальонов Гатчинской артиллерии.

Таким образом, уже в 1797 г., имея всего 25 лет от роду, стал генерал-майором. 9 ноября 1796 г. пожалован в подполковники гвардейского батальона. С 1797 г. – полковник

и генерал-майор с назначением шефом Артиллерийского батальона его имени, с 1799 г. – генерал-лейтенант. Принимал участие в походе в Голландию, где заслужил орден св. Анны 1 степени.

Быстрому продвижению по службе он был обязан как личным достоинством, так и покровительству графа А.А. Аракчеева. В 1808 г. П.М. Капцевич был назначен дежурным генералом при Аракчееве, ставшим к этому времени военным министром. Поклонение перед Аракчеевым он сохранил на всю жизнь.

П.М. Капцевич принимал участие в крупнейших сражениях Отечественной войны 1812 г. (под Смоленском, при Бородино, Малоярославцем и Красным). Его военные заслуги отмечены многочисленными наградами: за Смоленскую битву награжден орденом св. Владимира 2 степени, за Бородино – орденом св. Георгия 3 степени, за Малоярославец – золотой шпагой с бриллиантами. Контужен в битве при Лейпциге, за что награжден орденом св. Георгия 2 степени. По окончании войны – командир дивизии.

С 1819 г. П.М. Капцевич занимал пост командира отдельного Сибирского корпуса. Рекомендуя П.М. Капцевича на должность генерал-губернатора Западной Сибири, М.М. Сперанский стремился угодить всемогущему Аракчееву и завершить конфликт между

гражданской и военной властями, назначив генерал-губернатором командующего войсками, расквартированными в крае. Относительно административных способностей П.М. Капцевича и методов его управления Сперанский не питал особых иллюзий. В свою очередь П.М. Капцевич, познакомившись с местными условиями, пришел к выводу о нереальности и даже «отяготительности» для сибирского населения некоторых преобразований Сперанского (например, порядок исполнения крестьянами дорожной повинности, организация земской и почтовой гоньбы).

Признавая выгодное стратегическое положение Омска на севере степи и приоритет военно-политических задач в управлении регионом, П.М. Капцевич сохранил свою резиденцию в Омске, хотя ГУЗС оставалось в Тобольске. Этим он ставит в сложное положение тобольского губернатора, который заменял генерал-губернатора в Совете ГУЗС. Сторонники Сперанского усматривали в действиях П.М. Капцевича намерения «низвергнуть те правительственные начала, коих введение и охранение составляло его обязанность».

Должность генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич занимал с 22 июля 1822 г. по 25 июля 1827 г. Представитель административной «школы Аракчеева», он не знал границ в заботе о казенном попечении. По словам С.М. Броневского, был «человеком редкого усердия к службе, деятельным до невозможности, взыскательным, малоподобным рачителем казенного интереса...». На период его правления приходятся важные преобразования в управлении казахскими степями, строительство административных и культовых зданий, военного госпиталя, преобразование казачьего войскового училища, распространение ланкастерской системы обучения среди сибирских казаков и т. п.

Столкнувшись с недостатком образованных чиновников, он предложил учредить в Западной Сибири высшее учебное заведение. Заботясь об интересах казны, финансировать этот проект генерал-губернатор решил с помощью крестьянского населения, обложив рыбную ловлю на озерах оброчным платежом. Преждевременный проект не был поддержан ни центром, ни тем более далекими от нужд просвещения крестьянами.

С присущим ему административным рвением П.М. Капцевич насаждал хлебопашество среди кочевников, казаков и сибирских казаков, действуя при этом с учетом опыта создания военных по-

селений. Принудительные методы генерал-губернатор практиковал и в организации хлебозаготовок, запретив всякую частную продажу и установив при этом низкие закупочные цены.

Забота о казенном благосостоянии и здоровье населения привели П.М. Капчевича к столкновению с откупщиками и покровительствовавшими им чиновниками Тобольской казенной палаты. Против генерал-губернатора начались интриги, посыпались доносы в столицу. Сохранять свой пост еще некоторое время П.М. Капчевича помогала поддержка Аракчеева. Приход к власти Николая I кардинально изменил положение генерал-губернатора. В 1827 г., как следствие конфликта П.М. Капчевича со Сперанским, в Западную Сибирь была направлена сенаторская комиссия. Тогда же П.М. Капчевича по болезни отправили в отпуск, а затем назначили командиром корпуса внутренней стражи.

Вельяминов I Иван Александрович (1771–1837). Родился в 1771 г., выходец из российского дворянского рода. После окончания в 1796 г. Пажеского корпуса начал службу поручиком в лейб-гвардии Семеновским полку. Награжден орденом св. Иоанна Иерусалимского. Участник убийства императора Павла I. Через 4 года стал полковником. В 1805 г. за Аустерлиц жалован орденом св. Георгия 1 ст. В 1807 г. за сражения при Гутштадте, Гейльсберге и Фрисланде награжден орденом св. Владимира 3 степени и золотой шпагой. В 1808 г. произведен в генерал-майоры и назначен шефом Кексгольмского мушкетерского полка. Участвовал с ним в войне со Швецией, совершив переход по льду через Кваркен. По окончании войны за «неудовлетворительное командование» предан военному суду и отставлен от службы. В сент. 1811 г. вновь принят на службу членом комиссии для окончания старых нерешенных дел, а в марте 1812 г. назначен командиром 33-й пехотной дивизии, входящей в состав корпуса Эсеена.

И.А. Вельяминов был участником войн против Наполеона в 1805 – 1807, 1812 и 1813 гг. и русско-шведской войны 1808 – 1809 гг. Портрет его помещен в Военной галерее Зимнего дворца. В 1818 г. поднял восстание в Имеретии. В его переводе много лет на русской сцене шла трагедия В. Шекспира «Отелло». Считается, что он также был переводчиком трактата Ш. Бонне «Философские начала о пер-

вой причине и действия оной» (СПб., 1805) и «Истории Людовика XVI» (СПб., 1811).

Должность генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминов занимал с 25 июля 1827 по 28 сентября 1834 г. в чине генерала от инфантерии. Его административная деятельность в Западной Сибири не оставила заметного следа. Известно, что он состоял в переписке с посетившим Сибирь известным немецким ученым А. Гумбольдтом и покровительствовал композитору А.А. Алябьеву. Особым влиянием при И.А. Вельяминове пользовался чиновник особых поручений Н.Ф. Кованько, ему удалось подчинить своему влиянию советников ГУЗС, оказывать давление при назначении на доходные должности в крае. Под покровительством Кованько стало безнаказанно распространяться взяточничество и казнокрадство. После донесений в III Отделение жандармского полковника Маслова, возглавлявшего Сибирский жандармский округ, о разорении поселян и бездействии власти, в 1833 г. Кованько был переведен в другую губернию, а в 1834 г. покинул Сибирь и И.А. Вельяминов. Официально считалось, что он сам по слабости здоровья попросился из Сибири, но было очевидно и недовольство центра порядками, установившимися в Сибири.

После отставки с поста генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминов был назначен членом Военного совета. Занимался литературой. Награжден орденами св. Александра Невского, св. Владимира, св. Анны 1 степени.

Сулима Николай Семенович (1777–1840). Родился 12 января 1777 г., из древнего малороссийского дворянского рода. В 1791 г. поступил в Сухопутный Шляхетский кадетский корпус.

В 1792 г. Н.С. Сулима был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1793 г. его перевели сержантом в лейб-гвардии Семеновский полк. Первый офицерский чин Н.С. Сулима получил 22 января 1797 г. В том же году он был переведен прапорщиком в Нашебургский пехотный полк. В 1797 г. произведен в чин подпоручика. В 1799 г. – поручика. За-

тем Н.С. Сулима был переведен в лейб-гвардии Измайловский полк, где в 1800 г. произведен в штабс-капитаны. В 1803 г. – в капитаны. 11 октября 1803 г. – в полковники.

Н.С. Сулима принял участие в войнах с Наполеоном. 20 октября 1804 г. он был назначен командиром Московского мушкетерского полка, с которым совершил походы в Галицию, Силезию, Моравию и Австрию. 29 октября 1804 г. он отличился под Дирнштейном в бою с дивизией Дюпона, за что был пожалован орденом св. Владимира 4 ст. 20 ноября 1804 г. под Аустерлицем Н.С. Сулима был ранен в голову и взят в плен, откуда вскоре был выменен. После похода 23 октября он уволился от службы.

18 сентября 1811 г. Н.С. Сулима вновь поступил в службу по армии и назначен командиром Таврического гренадерского полка, с которым участвовал в Отечественной войне 1812 г. в составе корпуса генерала Тучкова. Он сражался под Витебском, Смоленском. За бой при Бородино произведен в генерал-майоры и вступил в командование бригадой Фока. В сражении при Тарутино контужен ядром в ногу. В бою при Красном взял в плен более 100 человек, за что награжден орденом св. Георгия III степени.

Участвовал Н.С. Сулима и в заграничном походе 1813 – 1814 гг. Он сражался при Люцене, Кенигсберге, Бауцене, Кульме, Дрездене, Лейпциге. Получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В 1814 г. был под Парижем, за взятие которого награжден орденом св. Анны I ст.

1 сентября 1814 г. Н.С. Сулима был назначен командиром 1-й гренадерской бригады, затем командиром 2-й бригады 1-й гренадерской дивизии. В начале 1816 г. вышел в отставку. 15 мая 1817 г. Н.С. Сулима вновь поступил на военную службу и был назначен командиром 3 бригады 17-й пехотной дивизии. 17 апреля 1822 г. – командиром 3 бригады 14-й пехотной дивизии. 16 сентября 1826 г. – начальником 11-й пехотной дивизии. 1 января 1827 г. – начальником 16-й пехотной дивизии. За отличие в командовании ею 17 мая 1827 г. Н.С. Сулима был награжден чином генерал-лейтенанта.

В Турецкой кампании Н.С. Сулима участвовал в переправе через Прут и Дунай, за сражение под Силистрией награжден

золотой шпагой с надписью «За храбрость». Принял участие в занятии Андрианополя. В 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания. Был в сражении под Вильно и штурмовал Варшавские укрепления, за что награжден орденом св. Александра Невского. В 1832 г. был председателем Варшавского Верховного уголовного суда, председателем комиссии для окончательного уничтожения состава бывшей польской армии.

С 6 декабря 1833 г. по март 1834 г. Н.С. Сулима занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири.

С марта 1834 г. по 28 января 1836 г. – командир Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири. Боролся с голодом в Сибири, открыл в Тобольске, Томске, Омске губернские строительные комиссии. Сделал топографическое обозрение Иртышской и Кулундинской степей. Однако заметного следа деятельность нового генерал-губернатора не оставила. Н.С. Сулима вслед за Капцевичем признавал выгодное военно-стратегическое положение Омска и вновь ходатайствовал о переносе туда Главного управления. Сибирский комитет аргументированно отказал, признав Тобольск исторически, экономически и географически более подходящим городом для центра края.

Непродолжительность пребывания в Сибири, а также физические недуги не позволили Н.С. Сулиме проявить свои способности. Хотя в сложные моменты, как свидетельствуют факты, он действовал решительно. В ходе расследования так называемого «омского дела» о предполагаемом восстании поляков в Сибири он занял довольно жесткую позицию.

28 января 1836 г. Н.С. Сулима был назначен членом Военного Совета, 13 января 1837 г. – членом Совета Государственной Думы.

Умер Н.С. Сулима 21 октября 1840 г.

Горчаков Петр Дмитриевич, князь (1785–1868). Сын писателя Д.П. Горчакова, воспитывался матерью в Дрездене. Начал службу в 1807 г. и вскоре был произведен в прапорщики гвардейской артиллерии. Участвовал в кампаниях 1808–09 гг. в Финляндии, в 1810 г. находился в составе Молдавской армии, где отличился при Шумле и Рушуке. Вернувшись в Петербург, участвовал в издании «Военного журнала». В 1812 г. находился под нача-

лом Витгенштейна, избран для поездки к императору Александру I с объявлением о сражении при Березине.

П.Д. Горчаков участвовал в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. Участник заграничного похода 1813–1815 гг. С 1817 г. служит на Кавказе. Командир 17-го Егерского полка. В 1820 г. пожалован в генерал-майоры и назначен управляющим Имеретии (1820–1825 гг.). В этой должности принял участие в 1820 г. в экспедициях против горцев. Умирал смуту в Мингрелии, Имеретии, Грузии, помогал Вельяминову подавлять восстание в Рачинском округе. При штурме горного замка Минда захватил документы и планы мятежников. Устроил сообщение от Редут-кале на восток. В конце 1821 г. послан А. Ермоловым с отрядов в Абхазию для поддержки кн. Шервашидзе против Аслан-бея, нанеся последнему поражение при Сухум-Кале. В начале 1824 г. послан в Абхазию, где совместно с флотом снял осаду с Соуску и вынудил бежать Аслан-бея к закубанским горцам. В 1822 г. назначен командующим 22-й пехотной дивизией и и. д. Кавказского областного начальника. С отъездом А. Ермолова с Кавказа назначен в 1826 г. генерал-квартирмейстером 2-й Армии. В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – командир 18-й пехотной дивизии, отличился при штурме Силистрии, за что награжден орденом св. Владимира 2 ст. В 1829 г. пожалован в генерал-лейтенанты. Командовал последовательно 19, 15 и 12-й пехотной дивизиями.

С 1836 по 1851 гг. – генерал-губернатор Западной Сибири и командир Сибирского Отд. корпуса. Во время управления

Западной Сибирью ему удалось в 1839 г. перенести Главное управление из Тобольска в Омск. Ликвидировал Омскую область и учредил управление Сибирскими киргизами. Развивал пчеловодство, поощрял разработку серебряно-свинцовых приисков и каменноугольных копий. Открыл Сибирский кадетский корпус.

Активно способствовал расширению российских границ на юге казахских степей, подавил восстание Ваули Пиетомина в Березовском округе и успокаивал волнения крестьян Курганского округа в 1843 г. Выступил против распространения на Сибирь реформ П.Д. Киселева, противодействовал переселению крестьян из Европейской России и высказывался против развития земледелия у казаков.

На первых порах П.Д. Горчаков оказывал покровительство ссыльным декабристам, но впоследствии вступил с некоторыми из них в серьезный конфликт. Действия генерал-губернатора вызвали недовольство как местной общественности, так и высшего начальства. П.Д. Горчаков был уволен с поста генерал-губернатора, а в Западную Сибирь направлена в 1852 г. комиссия под руководством Н.А. Анненкова. В лондонском «Колоколе» А.И. Герцена была опубликована статья Г.Н. Потанина «К характеристике Сибири», посвященная правлению генерал-губернатора.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. П.Д. Горчаков принимал участие в обороне Севастополя. Принял участие в сражении при р. Альме, лично водя в атаку батальоны Владимирского пехотного полка. Начальник Чоргунского отряда, с которым атаковал французские войска на Сапун-горе. Командующий всеми сухопутными войсками. Затем назначен командующим 6-го пехотного корпуса. Оставался и рядах Крымской армии по июнь 1855 г., затем назначен членом Государственного совета.

Гасфорд (Гасфорт) Густав Христианович (1794 – 1874). Родился 1 апреля 1794 г. в Белостокой области. Из иностранных дворян лютеранского вероисповедания. Окончил институт Корпуса Путей Сообщения. Российским подданным стал в 1833 г.

По словам П.П. Семенова-Тян-Шанского, Г.Х. Гасфорд «принадлежал к числу просвещенных офицеров русской армии, имел полное научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность». Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Отлично проявил себя в боях при Бородино, Тарутино, Малом Ярославце, под Вязьмой и Красным. Участвовал в военных кампаниях на Кавказе, в Польше, в Австро-Венгрии. Неоднократно награждался орденами, в том числе орденом св. Георгия 3 ст. В 1847 г. пожалован украшенной бриллиантами табакеркой с портретом императора, а в 1848 г. – золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».

29 января 1851 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Отдельным сибирским корпусом. В годы его правления в Западной Сибири, при непосредственном его участии в 1859 – 1861 гг. было преобразовано Сибирское казачье войско. При непосредственном участии Г.Х. Гасфорда на Иртыше получило развитие пароходство; была разрешена продажа казенных земель, положившая начало поземельной собственности в Западной Сибири.

Именно благодаря усилиям Г.Х. Гасфорда к Российской империи были присоединены Заилийская долина, верховья реки Чу, образован Алтайский округ, возникли новые поселения в Казахстане, среди них Верное (Алма-Аты).

Во время 9-летней деятельности Г.Х. Гасфорда в Западной Сибири было водворено около 80 тысяч переселенцев из Европейской России, построено до 200 церквей; во многих селах учреждены приходские училища, а в 8 городах открыты женские школы. Построены в г. Омске здание для Войскового правления, здание Войскового хозяйственного правления, здание Общественного собрания, городской тюремный замок; в 1859 г. начато строительство генерал-губернаторского дворца. Для воспитания и обучения сирот по инициативе жены Г.Х. Гасфорда Надежды Николаевны в Омске был основан приют «Надежда»; по ходатайству генерал-губернатора рядовой Си-

бирского линейного батальона Ф.М. Достоевский был произведен в унтер-офицеры.

В 1860 г. Г.Х. Гасфорд снарядил экспедицию полковника Циммермана, которая овладела Пишпекем и Токмаком. В декабре 1852 г. совершил поездку в Березов и Обдорск. В 1858 г. отправил торговый караван под началом поручика Велиханова из Семипалатинска в Кашгар. Генерал от инфантерии с 19 апр. 1853 г. Награжден орденом св. Александра Невского 23 апр. 1854 г. и св. Владимира 1 ст. 30 авг. 1860 г.

Личность Г.Х. Гасфорда получила оценку современников. Так, например, П.П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что «административных способностей Гасфорд не имел, но он зато не был бюрократом и рутинером...». В свою очередь, генерал И.Ф. Бабков вспоминал: «Гасфорд был человек умный и хороший администратор». В память о деятельности Г.Х. Гасфорда в Тобольской гимназии были учреждены стипендии (одна из них – семипалатинским купечеством), а в Тобольской и Тюменской женских гимназиях – две. В Омске его именем была названа одна из улиц (ныне лица К. Либкнехта). С поста генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорд был смещен 13 января 1861 г.

В январе 1861 г. Г.Х. Гасфорд назначен членом Государственного совета, был почетным членом Академии наук, Вольного Экономического и Географического обществ, а с 1859 г. носил звание почетного президента парижского общества «Уничтожение невольничества и торго неграми в Африке».

Умер Г.Х. Гасфорд 5 мая 1874 г. и был похоронен на Волковском лютеранском кладбище в С.-Петербурге.

Дюгамель Александр Осипович (1801 – ?). Родился в 1801 г., из дворян. Учился в Пажеском корпусе.

В службу А.О. Дюгамель вступил в 1820 г. 17 октября 1829 г. он был произведен в чин капитана. 27 октября 1830 г. получил монаршее благоволение за составление общего свода из секретных сведений.

4 декабря 1830 г. А.О. Дюгамель был командирован в Главную Квартиру действующей армии. В 1831 г. участвовал в подавлении польского мятежа. 5 февраля – в сражении

под Калушиным. 7 февраля – в сражении под Вавером. За участие в генеральном сражении под Прагой награжден 22 марта 1831 г. золотой шпагой с надписью «За храбрость». 25 декабря 1831 г. А.О. Дюгамель пожалован чином полковника. 25 февраля он был командирован для обозрения Вислы для отыскания переправы. В мае преследовал мятежников к Ендронееву. В июне состоял в отряде генерала от кавалерии Крейца и генерал-лейтенанта Муравьева. 5 июля участвовал в переправе через Вислу, 27 августа – при штурме Варшавы. 15 октября 183 г. был награжден орденом св. Анны 2 ст.

9 января 1832 г. А.О. Дюгамель был командирован в С.-Петербург и 7 февраля назначен состоять при генерал-квартирмейстере Главного Штаба. С 10 апреля 1832 г. А.О. Дюгамель состоял на вакансии генерала для занятий по военно-статистической, исторической и ученой частям.

26 октября 1832 г. А.О. Дюгамель назначен состоять при генерал-лейтенанте Муравьеве для секретных поручений в Турцию. 24 декабря командирован с дипломатическим поручением в Ибрагим-паше под Конию с целью прекращения последним наступления на Константинополь. 13 мая назначен состоять при главкоме морских и сухопутных сил, посланных на помощь султану. С 8 апреля 1833 г. по 3 августа А.О. Дюгамель – генеральный консул в Египте. С 30 апреля 1838 г. по 23 августа 1841 г. – русский посол в Тегеране. В 1847 г. назначен в свиту е.и.в. В 1848 г. выполнял дипломатические поручения в Молдавии и Валахии. С 1851 г. – сенатор межевого департамента Сената.

В 1861 г. А.О. Дюгамель был назначен генерал-губернатором Западной Сибири, а в 1865 г. стал первым командующим войсками Западно-Сибирского военного округа (с центром в Омске). 28 октября 1866 г. он был уволен от должности командующего войсками Западно-Сибирского округа с оставлением в должности генерал-губернатора.

В 1866 г. назначен членом Государственного совета

Хрущов Александр Петрович (1806–1875). Родился 4 августа 1806 г. в Тульской губернии.

Участник русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг., Крымской войны 1853 – 1856 гг., подавления польского восстания в 1863 – 1864 гг. В 1864 г. А.П. Хрущов в чине генерал-лейтенанта занял пост помощника командующего войсками Виленского военного округа. Особым доверием он пользовался у генерал-губернатора Западного края графа М.Н. Муравьева-Вилenskого.

28 октября 1806 г. А.П. Хрущов был назначен генерал-губернатором Западной Сибири. Он имел заслуженную славу боевого генерала, однако опыта гражданского управления за долгие годы службы не приобрел. Вникнуть в суть сибирского управления новый генерал-губернатор не смог и поэтому быстро оказался под влиянием местных деятелей. А.П. Хрущов ходатайствовал о строительстве железной дороги в Сибири, приостановлении ссылки в Тобольскую и Томскую губернии, о развитии промышленности и торговли, усилении хлебопашества, о преобразовании суда и администрации, об улучшениях в системе образования и пр. Поддержал идею создания в Омске «Общества исследователей Западной Сибири». В 1868 г. Тюменское и Омское городские общества преподнесли А.П. Хрущову звание почетного гражданина. За управление Западной Сибирью в 1868 г. он был награжден орденом св. Александра Невского, а в 1869 г. произведен в генералы от инфантерии и генерал-адъютанты. Оставил службу в Сибири А.П. Хрущов по болезни и 1 января 1875 г. был назначен членом Государственного совета.

Умер А.П. Хрущов 14 июля 1875 г.

Казнаков Николай Геннадьевич (1824–1885). Родился 8 августа 1824 г., из российских дворян. Окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

8 августа 1842 г. Н.Г. Казнаков был определен в л.-гв. Гродненский гусарский полк. В чине штаб-ротмистра поступил в Академию Генерального штаба. За отличие в учебе в Академии награжден чином ротмистра. В 1847 г. окончил Академию с большой се-

ребряной медалью.

28 января 1849 г. Н.Н. Казнаков был переведен капитаном в гвардейский Генеральный Штаб. В январе 1850 г. исполнял должность старшего адъютанта штаба гвардейского Корпуса. Затем, дивизионный квартирмейстер 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и одновременно состоял адъютант-профессором тактики в Академии Генерального штаба. Зимой 1852–1853 гг. Н.Г. Казнаков читал тактику старшим офицерам.

В октябре 1853 г. был произведен в чин полковника и определен состоять при великих князьях Николае и Владимире Александровичах. В апреле 1858 г. Н.Н. Казнаков был произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту. В день восшествия на престол императора Александра II он был назначен флигель-адъютантом. В 1861 г. его командировали в Калужскую губернию для сохранения порядка при введении Положения о крестьянах. 6 июня 1861 г. Н.Г. Казнаков был назначен начальником штаба Отдельного гренадерского корпуса.

В январе 1864 г. Н.Г. Казнаков был определен киевским губернатором, управляющим чином военной и гражданской частью. В 1865 г. он был награжден чином генерал-лейтенанта. Боролся с эпидемией холеры в Бердичеве. 29 ноября 1866 г. его уволили в 11-месячный отпуск с отстранением от должности.

10 апреля 1867 г. Н.Г. Казнаков был назначен генерал-адъютантом. 30 августа 1869 г. пожалован орденом св. Александра Невского. В

январе 1872 г был назначен членом Главного военно-тюремного комитета.

1 января 1875 г. Н.Г. Казнаков был назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. В 1878 г. пожалован в генералы от кавалерии.

В 1878 г. он плывал на пароходе в Обскую губу для ознакомления с бытом инородцев. На должности генерал-губернатора Н.Г. Казнаков много сил отдал развитию хозяйства края. Он способствовал установлению срочного пароходства от Тюмени до Семипалатинска. Решил в 1875 г. спор о направлении строительства Сибирской железной дороги.

Постоянное внимание генерал-губернатор уделял и организации управления Западной Сибирью. Он открыл Омский тюремный комитет, учредил Семипалатинский статистический комитет. Возбудил вопрос об открытии в Западной Сибири палат государственных имуществ и лесничеств, сокращения мировых сборов в селениях государственных крестьян. Увеличил оклады жалованья гражданским врачам.

Н.Г. Казнаков сыграл большую роль и в развитии народного образования в Сибири. Он открыл в Тюмени реальное училище, в Омске – мужскую гимназию, в Петропавловске и Кокчетаве – интернаты для киргизских мальчиков, в Тобольске и Омске – фельдшерскую и ветеринарную школы.

Н.Г. Казнаков был почетным членом императорского Русского Географического общества. В 1877 г. он учредил в Омске Западно-Сибирский отдел общества. В 1878–1879 гг. по инициативе РГО организовал экспедицию по изучению Монголии и Внутреннего Китая. Помог экспедициям Певцова в Монголию, Ядринцева на Алтай, Балкашина в Туркестан, Ловцова в Кокчетав.

С 1880 г. Н.Г. Казнаков – член Государственного Совета. Был избран почетным членом Киевского братства св. Владимира.

Умер Н.Г. Казнаков 12 февраля 1885 г.

Мещеринов Григорий Васильевич (1827–1901). Родился 22 января 1827 г., из дворян. Окончил Николаевское Кавалерийской училище по 1 разряду занесением на мраморную доску.

В 1845 н. Г.В. Мещеринов вступил в службу корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1846 г. он был прикомандирован к гвардейскому

Генеральному Штабу, а через два года на основании экзамена в Академии Генерального Штаба произведен в гвардейский Генеральный Штаб, где назначен старшим адъютантом по части Генерального Штаба в штабе гвардейского резервного кавалерийского корпуса (1850 г.), затем старшим адъютантом с перечислением в Генеральный Штаб и с переименованием в подполковники. Закончил «Свод приказов по Генеральному Штабу с 1815 по 1853 гг.».

Г.В. Мещеринов участвовал в движении гвардии во время Венгерской кампании. В Восточную войну он участвовал в походе гренадерского корпуса в Крым. За отличие при движении войск под Евпаторией был награжден орденом св. Владимира 4 ст. В 1855 г. Г.В. Мещеринов произведен в полковники. С 1856 г. он был назначен исполняющим должность начальника штаба 5-го Армейского корпуса. В 1861 г. был произведен в генерал-майоры с утверждением в должности.

С назначением военным министром графа Д.А. Милютина в 1862 г. Г.В. Мещеринов был назначен вице-директором департамента Генерального Штаба. Затем – Главного управления Генерального Штаба. В 1864 г. – членом специального комитета по устройству и образованию войск. В 1865 г. Г.В. Мещеринов был назначен в Свиту. В 1866 г. он стал помощником начальника Главного Штаба. В 1868 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В эти же годы он состоял постоянным членом комитета по передвижению войск по железной дороге и членом Комитета для пересмотра системы податей и сборов. В 1876 г. Г.В. Мещеринов был пожалован в генерал-адъютанты.

В 1880 г. Г.В. Мещеринов исполнял должность генерал-губернатора и командующего войсками Западно-Сибирского военного округа. С февраля 1881 г. по май 1882 г. – генерал-губернатора Западной Сибири.

С 25 мая 1882 г. по 1901 г. – командующий войсками Казанского военного округа. В 1883 г. Г.В. Мещеринов был пожалован чином генерала от инфантерии. Был награжден орденом св. Андрея Первозванного.

Умер Г.В. Мещеринов 26 августа 1901 г.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЕ (Иркутские) ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Лавинский Александр Степанович (1776–1844). Родился 12 апреля 1776 г., из дворян.

2 января 1778 г. А.С. Лавинский вступил в службу сержантом гвардии. Участник русско-шведской войны 1788 – 1790 гг., находился при генерал-майоре Арбеневе. 11 января 1791 г. А.С. Лавинский был переведен в армию капитаном. В 1791 г. находился в Молдавии. 11 июля 1795 г. произведен в чин майора. В 1793 – 1796 гг. – участвовал в польской кампании; находился при взятии Вильны, преследовании польского корпуса Грабовского и разбитии его на панской дороге. Уволен из армии А.С. Лавинский был 31 декабря 1797 г.

16 мая 1798 г. А.С. Лавинский был определен контролером государственного Вспомогательного банка для дворянства в чине коллежского асессора. 16 ноября 1798 г. награжден чином надворного советника. С 3 июля 1799 г. – директор Вспомогательного банка для дворян с награждением чином коллежского советника. С 25 апреля 1800 г. – советник Главного Почтового управления. 31 декабря 1801 г. награжден чином статского советника. 1 января 1804 г. – действительного статского советника. 17 февраля 1804 г. назначен на должность литовского почт-директора. 13 декабря 1810 г. награжден орденом св. Анны 2 ст. с алмазами.

С 11 августа 1811 А.С. Лавинский был назначен директором департамента государственных имуществ с награждением чином тайного советника. 21 октября 1820 г. был награжден орденом св. Владимира 2 ст. Сверх должности назначен членом комиссии в С.-Петербурге для разбора дел Крымского по-

луострова с 1819 по 1820 гг. С 1820 г. участвовал в заседаниях комитета при Министерстве внутренних дел по принятию мер к обеспечению народного продовольствия.

С 23 марта 1822-го по 1823 г. А.С. Лавинский занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. За ревностную службу на этой должности 21 апреля 1829 г. был награжден орденом св. Александра Невского. На должности генерал-губернатора А.С. Лавинский сыграл заметную роль в устройстве управления Нерчинских заводов.

6 декабря 1833 г. А.С. Лавинский был пожалован в сенаторы. 1 января 1834 г. он был награжден орденом св. Владимира 1 ст., 31 декабря – чином действительного тайного советника. 1 января 1836 г. он назначен членом Государственного Совета по департаменту гражданских и духовных дел. С 19 февраля 1839 г. – председательствующий и управляющий Петербургской Сохранной казной. 20 апреля 1840 г. А.С. Лавинский был награжден алмазным знаком ордена св. Александра Невского.

В 1830 – 1840-х гг. А.С. Лавинский был членом попечительских комитетов ряда привилегированных учебных заведений и благотворительных учреждений. С 18 апреля 1837 г. – почетный опекун Петербургского Опекунского Совета, с 15 апреля 1841 г. – председательствующий в Совете, с 12 февраля 1838 г. – член совета при Воспитательном обществе благородных девиц и училище ордена св. Екатерины.

Умер А.С. Лавинский 2 августа 1844 г.

Броневский Семен Богданович (1777 – 1840). Родился 24 декабря 1786 г., из дворян. Окончил Тверское дворянское училище, затем Шкловский кадетский корпус, откуда 23 октября 1803 г. выпущен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ.

В 1804 г. С.Б. Броневский принял участие в Кабардинском походе, 30 января 1804 г. был произведен в чин подпоручика. В 1805 г. вновь сражался в Кабарде в Кисбурунском ущелье. В 1806 г. совершил поход в Персию. Участвовал во взятии Дербента, Кубы и Баку. В мае 1807 г. в отряде генерал-майора Капцевича ходил за р. Кубань для отражения набегов закубанских народов.

20 марта 1808 г. С.Б. Броневский был назначен адъютантом к инспектору Сибирских войск генерал-лейтенанту Глазенапу и переведен в Сибирь. 10 июня 1808 г. он прибыл в Омск. С 6 декабря 1809 г. по 15 декабря 1813 г. С.Б. Броневский – управляющий пограничной канцелярией Сибирской линии. За труды по управлению делами канцелярии 7 июля 1810 г. он был награжден орденом св. Владимира 4 степени.

18 октября 1811 г. он был переведен в л.-гв. Драгунский полк с оставлением в прежней должности. 17 сентября 1811 г. произведен в чин поручика, 30 марта 1812 г. – штабс-капитана. В мае 1812 г. С.Б. Броневскому было поручено осматривать казачьи полки. 20 мая 1814 г. был произведен в чин капитана.

С 6 ноября 1813-го по 20 мая 1814 г. С.Б. Броневский занимал должность командира Сибирского линейного казачьего войска до избрания атамана. Летом 1817 г. он командирован в Киргизскую степь для возведения султана Киргиз-Кайсакской Средней Орды Букея в ханское достоинство. 22 августа 1818 г. произведен в чин полковника. Устроил в Омске казачье войсковое училище. С 23 июня 1822 г. исполнял должность начальника штаба Отдельного Сибирского Корпуса. 28 сентября С.Б. Броневский был награжден орденом св. Анны 2 ст. В ноябре 1822 г. был командирован из Семипалатинска в киргизскую степь для умирения взбунтовавшейся Табуклинской волости. С 7 января 1824 г. по 18 февраля 1825 г. С.Б. Броневский исполнял должность командира Отдельного Сибирского Корпуса.

По особому распоряжению М.М. Сперанского с 9 марта 1823 г. по 9 марта 1824 г. С.Б. Броневский исполнял должность начальника Омской области и командира дивизии. В феврале 1824 г. он был командирован в Киргизскую степь для открытия Каркаралинского внешнего округа и введения нового порядка управления. 17 апреля 1824 г. был назначен начальником штаба Отдельного Сибирского Корпуса. 11 февраля 1825 г. С.Б. Броневскому была поручена ревизия канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири. 22 августа 1826 г. он был награжден орденом св. Владимира 3 ст., 6 декабря 1827 г. – чином генерал-майора, 19 декабря 1829 г. – орденом св. Георгия IV ст., 19 мая 1832 г. – орденом св. Станислава 1 ст. Занимался устройством Сибирского линейного казачьего войска.

В 1822 г. С.Б. Броневский стал членом Московского общества сельского хозяйства, которое в 1824 г. наградило его медалью за введение усовершенствования сельского хозяйства в поселениях сибирских линейных казаков, а в 1834 г. – медалью за учреждение в Омске школы земледелия и опытного хутора и развития оседлости среди киргизов.

20 февраля 1834 г. С.Б. Броневский был командирован в Томск и Красноярск для расследования о злоумышлении солданных поляков. 19 мая 1834 г. его командировали с военным отрядом в киргизскую степь на случай нашествия ташкентца Кумбека и мятежного киргизского султана Саражана Касымова и для предотвращения грабежей. За вытеснение противника в Улутовские горы он 8 августа 1834 г. был награжден орденом св. Анны 1 ст. Учредил первые русские колонии в киргизской степи.

28 сентября 1834 г. С.Б. Броневский был назначен исполняющим должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующим войсками Восточной Сибири. 6 декабря 1835 г. награжден чином генерал-лейтенанта и командиром местных войск. Уволен по болезни от этой должности 29 июля 1837 г.

Во время губернаторства С.Б. Броневским был предложен проект нового административного деления Восточной Сибири. В проекте обосновывалась необходимость усиления местной губернской и областной власти, в частности, для Якутской области, Охотского, Камчатского, приморских и Троицкосавского пограничного управления, находящихся далеко от Иркутска. Генерал-губернатор предлагал отделить от Иркутской губернии Забайкалье и из Верхнеудинского, Нерчинского округов и Троицкосавского пограничного управления образовать Нерчинскую область, придав ее начальнику губернаторские права. Он считал возможным отступление от принципов «Сибирского учреждения», отказываясь от создания областного совета. С.Б. Броневский настаивал на необходимости строительства Кругобайкальской дороги и усиления воинского контингента в Забайкалье. Для рассмотрения этих предложений был создан особый комитет, который признал убедительными доводы С.Б. Броневского. Реализация проекта была поручена новому генерал-губернатору, который имел совершенно противополож-

ное мнение относительно административного устройства Восточной Сибири.

1 декабря 1837 г. С.Б. Броневский был назначен сенатором. 31 декабря 1837 г. награжден орденом св. Владимира 2 ст., 22 декабря 1838 г. назначен первоприсутствующим в межевом департаменте Сената. 15 декабря 1839 г. – в 4 департаменте Сената. 29 декабря 1841 г. награжден орденом Белого Орла.

С.Б. Броневский занимался литературным творчеством. Был сотрудником «Земледельческой газеты», оставил воспоминания о своей жизни и написал книгу «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе».

Умер С.Б. Броневский 14 февраля 1858 г.

Руперт Вильгельм Яковлевич (1787–1849). Родился в 1787 г., из голландских дворян.

8 апреля 1800 г. В.Я. Руперт был записан юнкером в 1-й конно-артиллерийский батальон. Затем числился во 2-м Пионерском полку. 13 апреля 1804 г. он был произведен в чин подпоручика. 3 апреля 1806 г. – поручика. 30 апреля 1810 г. – штабс-капитана.

В.Я. Руперт был участником русско-турецкой войны 1811-1812 гг. Он сражался при Калафате. 14 февраля 1811 г. был произведен в чин капитана, 17 февраля 1813 г. был переведен в лейб-гвардии Саперный батальон.

В.Я. Руперт участвовал в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Отличился под Кульмом. В 1815 г. вернулся в Россию.

26 ноября 1816 г. В.Я. Руперт был произведен в чин полковника с назначением командиром 5-го Пионерского батальона. 16 авг. 1824 г. переведен во 2-ю сводную Пионерскую бригаду. В 1825 г. награжден орденом св. Анны 2 ст.

Во время восстания декабристов в 1825 г., по данным известного историка М.К. Азадовского, В.Я. Руперт «находился непо-

средственно в Зимнем дворце и стал лично известен Николаю, с этого и началась... карьера» незнатного дворянина, более 20 лет служившего в непривлекательных для российских дворян саперных частях.

В 1826 г. В.Я. Руперт получил чин генерал-майора и был назначен командиром 2-й сводной Пионерской бригады. В 1828 г. участвовал в боевых действиях русско-турецкой войны и за отличия был награжден орденом св. Анны 1 ст. с императорской короной. В 1829 г. назначен начальником 11-й пехотной дивизии. 6 декабря 1833 г. – начальником 2-й пехотной дивизии, в 1834 г. пожалован чином генерал-лейтенанта.

10 января 1834 г. В.Я. Руперт по протекции Л.В. Дубельта перешел в Корпус Жандармов. С февраля 1834 г. по 29 июля 1837 г. он занимал должность начальника 4-го Округа Корпуса жандармов на Украине и сумел заслужил расположение А.Х. Бенкендорфа.

С 29 июля 1837 г. по август 1847 г. В.Я. Руперт занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками в Восточной Сибири. В 1839 г. он совершил путешествие в Якутск, в 1840 г. – в Енисейскую губернию. На должности генерал-губернатора В.Я. Руперт усилил военное начало в управлении губерниями. По его инициативе была построена дорога от Иркутска до Кяхты. В 1839 г. он боролся с неурожаем в Енисейской губернии. В 1841-1842 гг. В.Я. Руперт руководил подавлением восстания рабочих на золотых промыслах Енисейской губернии и в 1845 г. волнений старообрядцев с. Куналей. В 1845 г. по инициативе В.Я. Руперта был открыт девичий институт в Иркутске. За усердие в управлении генерал-губернаторством В.Я. Руперт в 1841 г. был награжден орденом Белого Орла.

Уволен от должности генерал-губернатора В.Я. Руперт был после ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым, обнаружившим массу злоупотреблений.

Умер В.Я. Руперт в марте 1849 г.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881). Родился 11 августа 1809 г., из дворян. Окончил Петербургский пансион Годениуса и Пажеский корпус, с занесением на мраморную доску. В 14 лет был назначен камер-пажом Великой княгини Елены Павловны. Близкое знакомство с Еленой Павловной позволило Н.Н. Муравьеву наладить отношения с видными деятелями либеральной бюрократии. Пребывание в

Пажеском корпусе способствовало установлению придворных связей.

25 июня 1827 г. Н.Н. Муравьев начал военную службу прапорщиком лейб-гвардии Финляндского полка. Он стал участником русско-турецкой войны 1828 г. В июне в составе русских войск Н.Н. Муравьев перешел Дунай у Исакчи. Через Бабадаг и крепость Кистенджи прошел берегом Черного моря до Варны. В отряде генерал-лейтенанта Бистрома участвовал в осаде крепости Варна. С 29 апреля 1829 г. Н.Н. Муравьев был назначен состоять адъютантом генерал-лейтенанта Головина, а затем на кораблях эскадры контр-адмирала Кумани при бомбардировке Сизополя. Летом 1829 г. он участвовал в сражениях при Козлужде и Кулевчи, в осаде крепости Шумла, после чего вернулся в Варну, где вновь состоял при военном губернаторе Румелии Головине. 1 января 1829 г. Н.Н. Муравьев был произведен в чин подпоручика, 27 декабря – поручика. 12 июля 1829 г. за отличие при Шумле награжден орденом св. Анны 3 ст. с бантом.

В 1831 г. Н.Н. Муравьев участвовал в боевых действиях польской кампании. 19 марта 1831 г. он был назначен адъютантом к начальнику 26-й пехотной дивизии Головину. В марте 1831 г. участвовал в сражении при Остроленке. Затем в деле при Рудках. Был награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом. В мае 1831 г. очищал Беловежскую пушу от мятежников. В августе сражался при Крынке против корпуса генерала Ромарино. В генеральном сражении при Мендзержице Н.Н. Муравьев был ранен в ногу. В сентябре он участвовал при блокаде крепости

Модлин. В 1831 г. награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», 6 декабря произведен в чин штабс-капитана.

7 февраля 1833 г. Н.Н. Муравьев был уволен по болезни со службы. До 1838 г. он находился в отставке и занимался управлением пожалованным ему имением Стоклишк, в Виленской губернии.

27 апреля 1838 г. Н.Н. Муравьев вернулся на военную службу и был определен майором для особых поручений к командиру Отдельного Кавказского корпуса Головину. В июне 1838 г. он участвовал в экспедиции на р. Сочи, затем в десанте на Шансуго на восточный берег Черного моря. В сентябре 1838 г. под началом генерал-лейтенанта Фези в составе Дагестанского отряда Н.Н. Муравьев был послан в Кубу для усмирения горных шагалов. В 1838 г. получил чин подполковника. За отличие во время войны с горцами в 1839 г. Н.Н. Муравьев был награжден орденом св. Анны 2 ст. В 1839 г. он участвовал в экспедиции по взятию Аджия-Хурской позиции и покорении села Ахты и осаде Ахульго, за что был награжден орденом св. Станислава 2 ст. с императорской короной. 9 февраля 1840 г. произведен в чин полковника.

4 апреля 1840 г. Н.Н. Муравьев был назначен исполняющим должность начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии. В 1840 г. совершил экспедицию от Сухум-кале до Багатских теснин и участвовал во взятии Варды и Ахта. 4 июня 1841 г. Н.Н. Муравьев был утвержден в должности с производством в чин генерал-майора. В 1841 г. он участвовал в движении войск вдоль берега Черного моря от укрепления Св. Духа до укрепления Навагинского под началом генерал-адъютанта Анрепа. 10 сентября 1841 г. был награжден орд. Св. Владимира 3 ст. 10 ноября 1843 г. Н.Н. Муравьев получил годовой отпуск для лечения. 7 апреля 1844 г. вступил в прежнюю должность. В том же году он был награжден орд. Св. Станислава 1 ст.

12 декабря 1845 г. Н.Н. Муравьев был причислен к Министерству внутренних дел. 16 июня 1846 г. назначен исполняющим должность тульского гражданского губернатора. 6 июня 1847 г. Н.Н. Муравьев был утвержден в этой должности. В должности тульского губернатора представил проект от имени тульских помещиков отмены крепостного права «Опыт возмож-

ности приблизительного уравнивания состояний и уничтожения крепостного права в Русском царстве, без потрясений в государстве».

5 сентября 1847 г. Н.Н. Муравьев был назначен исполняющим должность иркутского и енисейского генерал-губернатора и командующего войсками Восточной Сибири. 12 апреля 1849 г. он был пожалован чином генерал-лейтенанта.

С 6 декабря 1849 г. по 19 февраля 1861 г. Н.Н. Муравьев занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. В бытность генерал-губернатором Восточной Сибири он лично объездил всю вверенную ему территорию, результатом чего стал целый комплекс реформ. Фактически, Муравьев сумел выработать, отстоять перед центром и реализовать самостоятельную азиатско-тихоокеанскую региональную программу. Программа предполагала расширение территории Российской империи, присоединение Приамурья, а также укрепление ее позиций на берегах Тихого океана. Амурский вопрос определял и другие направления деятельности, в частности, комплекс административных реформ по закреплению в составе России дальневосточных территорий. (К административной реформе относится образование в начале 1850-х гг. Якутской, Камчатской и Забайкальской областей, позднее Амурской и Приморской), образование Забайкальского казачьего войска. Многие начинания и в административной сфере, и в экономической были достаточно революционны, и поэтому отвергнуты имперскими властями, и реализованы значительно позже только при приемниках Муравьева (образование Приамурского генерал-губернаторства, строительство в регионе железной дороги, телеграфа, расширение масштабов колонизации и др.).

На должности генерал-губернатора Н.Н. Муравьев оказывал покровительство ссыльным декабристам и петрашевцам, ходатайствовал перед петербургскими властями о разрешении взять их на службу. Он боролся с сибирскими откупщиками и золотопромышленниками из-за взяток.

В 1851 г. Н.Н. Муравьев открыл Сибирский отдел Русского Географического общества, в 1857 г. основал газету «Иркутские губернские ведомости», во главе которой стоял петрашевец Спешнев. В 1854 г. организовал 1-ю Амурскую экспедицию.

В 1858 г. Н.Н. Муравьев подписал Айгунский договор с Китаем. В 1959 г. плавал от Николаева до Хакодате и обратно.

Служба в Сибири Н.Н. Муравьева была высоко оценена высшей властью России. 26 ноября 1850 г. он был награжден орденом св. Георгия IV ст., 6 дек. 1850 г. орденом св. Анны I ст., 23 апреля 1853 г. орденом Белого Орла, 6 дек. 1854 г. орденом св. Александра Невского. 6 декабря 1857 г. Н.Н. Муравьев был пожалован в генерал-адъютанты, 26 августа 1858 г. – чином генерала от инфантерии с пожалованием графского титула и прибавлением к фамилии звания Амурского. 19 февраля 1861 г. он был награжден орденом св. Владимира I ст. с мечами. Был принят почетным членом императорского Русского Географического общества. Неутверждение ряда проектов Муравьева побудило его уйти в отставку. Таким образом, Н.Н.Муравьев-Амурский – единственный сибирский представитель генерал-губернаторов, который самостоятельно подал в отставку.

По возвращении из Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский был 19 февраля 1861 г. назначен членом Государственного Совета. Умер граф Н.Н. Муравьев-Амурский 18 ноября 1881 г.

Корсаков Михаил Семенович (1826–1871). Родился в 1826 г. в семье действительного статского советника С.И. Корсакова. Происходил из известной дворянской семьи, связанной родственными узами и дружескими отношениями с семьями Мордвиновых, Бакуниных, Муравьевых.

По окончании школы гвардейских прапорщиков М.С. Корсаков недолго служил в л.-гв. Семеновском полку, где был произведен в чин л.-гв. подпоручика.

В 1849 г. М.С. Корсаков поступил на должность офицера для поручений при своем двоюродном брате генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве. В Иркутск он прибыл 12 марта 1849 г. и жил в доме Н.Н. Муравьева. По поручению генерал-губернатора ездил на Камчатку для вручения инструк-

ции Г.И. Невельскому, а затем был отправлен в С.-Петербург с отчетом об экспедиции Невельского. В 1850 г. М.С. Корсаков вновь ездил на Камчатку и участвовал в переносе Охотского порта, за что был произведен в чин майора. В 1851 г. он занимался заселением Аянского тракта, объезжал заводы и рудники Нерчинского горного округа. В феврале 1852 г. был произведен в подполковники с назначением начальником недавно образованного казачьего отделения Главного управления Восточной Сибири. В 1854 г. М.С. Корсаков был пожалован в полковники и награжден орденом св. Анны 2 ст.

С 14 декабря 1855 по 16 мая 1860 г. М.С. Корсаков занимал должность губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска. В 1856 г. был пожалован чином генерал-майора.

В 1860 г. М.С. Корсаков был назначен на специально созданную для него должность помощника генерал-губернатора Восточной Сибири. По протекции графа Н.Н. Муравьева-Амурского в 1861 г. М.С. Корсаков, как его преемник, был назначен исполнять обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири. Утвержден в этой должности он был только в апреле 1864 г. с пожалованием в чин генерал-лейтенанта. По характеристике известного сибирского общественного деятеля В.И. Вагина, Корсаков был «недурным» администратором: «это был человек ровный, спокойный, неторопливый, но и не ленивый. Он знал, что одним ударом меча не разрубить гордиев узел вековых злоупотреблений, и старался распутать этот узел постепенно, и не без успеха; по крайней мере, за ним не замечалось таких крупных злоупотреблений, какие были при Руперте, и даже при Муравьеве. Но после такого блестящего метеора, как граф Амурский, Корсаков был бледен и даже немного смешноват, ... при нем легко двигалось и свободно жилось, после него этого уже не было».

Из Иркутска М.С. Корсаков отбыл 2 сентября 1870 г.

В 1871 г. М.С. Корсаков прибыл в С.-Петербург и был назначен членом Государственного Совета, но вскоре простудился и 16 марта 1871 г. скончался.

Синельников Николай Петрович (1805-1892). Родился в 1805 г. Из петербургских дворян, обучался в кадетском корпусе.

Участник подавления польского восстания 1831 г. С 1852 по 1859 г. занимал посты губернаторов Владимирской (1852 г.), Вольнской (1852–1855 гг.), Московской (1855–1857 гг.) и Воронежской губерний. До назначения в Восточную Сибирь был главноуправляющим всеми

тюрьмами России.

Выбор 66-летнего Н.П. Синельникова в генерал-губернаторы, как с некоторой иронией замечал военный министр Д.А. Милютин, был вызван тем, что он проявил себя хорошо в организации арестантских рот, поэтому и посчитали, что его способности могут пригодиться лишь в крае, переполненном ссыльными.

Должность генерал-губернатора Восточной Сибири он занимал с 21 января 1871 по 14 декабря 1873 г. Как вспоминал сам Синельников, это назначение было для него неожиданно, и министру внутренних дел генерал-адъютанту Тимашеву он откровенно заявил, что считает «недобросовестным взять на себя обязанности эти по преклонным летам». Однако, несмотря на возраст, как генерал-губернатор Н.П. Синельников имел репутацию «человека крутого и энергичного», питавшего больше склонности к полицейской службе, нежели к широкой административной деятельности. Он по старинке считал, что «закон писан только для мошенников, а хороших людей, особенно администраторов, не должен стеснять; поэтому считал позволительным всякий произвол и нарушение закона, оправдываемые предполагаемою благою целью». Пытался энергично бороться со злоупотреблениями, «темными поборами», стремился уменьшить в крае число кабаков и навести порядки на золотых приисках. В Иркутске оставил о себе память благодаря благоустройству города, устройству воспитательного дома и учительской семинарии, строительству на средства купцов И.И. Базанова, Я.А. Немчинова и М.А. Сибирякова театра. Покрови-

тельствовавал полякам и политическим ссыльным и относился к ним по-человечески.

В отличие от своих предшественников Н.П. Синельников не придавал большого значения дальневосточным делам. В одном из своих отзывов на проекты административного преобразования на Востоке он даже предупреждал, что усиление российского флота на Тихом океане может породить недоверие со стороны соседних государств, а Амур был приобретен совершенно напрасно. Будущее Амурской области в его представлениях в основном связывалось с привлечением сюда ссыльно-каторжных для работы в золотопромышленности. Выступал Н.П. Синельников против выделения из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Приамурского генерал-губернаторства, но соглашался на передачу в ведение Морского министерства побережья Тихого океана. Прибыв в Иркутск, Н.П. Синельников столкнулся с тем, что морское начальство на Дальнем Востоке фактически вышло из-под генерал-губернаторского подчинения. Его конфликт с приморским военным губернатором А.Е. Кроуном стал предметом разбирательства на самом высоком уровне и потребовал личного вмешательства Александра II.

Остро конфликтный характер имели его отношения с министерствами. Пользуясь на первых порах поддержкой Александра II, он своими решительными и необдуманно действиями по наведению порядка в крае (очевидно, в нем жила выучка А.А. Аракчеева, при котором он начал свою службу) нажил в лице министров серьезных противников. Н.П. Синельников просил Александра II дать ему право удалять без суда с места жительства лиц, «которые явно нарушают закон», «хотя вина их и не будет фактически обнаружена». Не без участия министров против Н.П. Синельникова была развернута газетная кампания, в которой особо преуспел «Голос» А.А. Краевского. Конфликт Н.П. Синельникова с министрами разбирался в Комитете министров. На генерал-губернаторском посту он смог продержаться всего три года и не только просил, но даже умолял царя об отставке.

Военный министр Д.А. Милютин писал о Н.П. Синельникове, что тот самодурством довел дело до того, что «схлопотал» на строительстве театра от польского ссыльного Игнатия Эйхмил-

лера публично по лицу. Последний был судим военно-полевым судом и 11 ноября 1872 г. расстрелян, а Синельникова после такого скандала уже, конечно, нельзя было оставлять начальником края. Чтобы увольнение это не выглядело прямым последствием этого инцидента, оно было отложено на некоторое время. Уволен от должности генерал-губернатора Н.П. Синельников был 14 декабря 1873 г. с оставлением в звании сенатора.

Итог административной деятельности Н.П. Синельникова в Сибири внушительен. В очерке, вышедшем в Иркутске в 1873 г. к 50-летию его службы, в числе заслуг генерал-губернатора упомянуты «полное почти искоренение бродяжничества, обуздание винокуренной и хлебной торговли, искоренение в значительной степени чиновничьих темных поборов, ... организация надзора за благоустройством и ходом работ на золотых приисках, умножение народных школ».

Умер Н.П. Синельников 4 октября 1892 г. в Харькове. Н.С. Романов отметил по этому поводу в «Летописи города Иркутска»: «Он оставил по себе добрую память как враг мученичества и эксплуатации и заботами о положении простого народа. Он жил и работал для народа, который его и любил, несмотря на его строгость и некоторую крутость его характера».

Фредерик Платон Александрович (1828-1888). Родился 20 января 1828 г. Имел титул барона. Воспитание получил в Дворянском полку.

13 июня 1848 г. П.А. Фредерикс был выпущен офицером в лейб-гвардейский Егерский полк. Через 16 лет – 30 июня 1864 г. он был произведен в генерал-майоры. 8 ноября 1864 г. – причислен к Свите императора, и уже через год (1865) был награжден орденом св. Станислава I ст. С 1863-го по 12 июня 1866 г. П.А. Фредерикс занимал должность варшавского обер-полицмейстера. С 12 июня 1866 г. по 23 февраля 1867 г. исполнял должность генерал-полицмейстера в Царстве Польском. С 1 сентября 1866 г. – начальник 3 Округа Жандармов. С 23 февраля 1867 г. по 14 декабря 1873 г. П.А.

Фредерикс был назначен начальником Варшавского Жандармского округа. 18 июля 1871 г. пожалован в генерал-адъютанты. 14 декабря 1873 г. произведен в генерал-лейтенанты. П.А. Фредерикс был награжден орденом св. Анны 1 ст. (4 ноября 1866) и орденом св. Владимира 2 ст. (1868).

С 14 декабря 1873 г. по 10 августа 1879 г. П.А. Фредерикс занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири. На этой должности он отстаивал территориальную целостность генерал-губернаторства, отвергал потребность административного переустройства края. Считал, что генерал-губернаторская власть была необходима еще на десятилетие, до проведения железной дороги и завершения реформ. Необходимость сохранения сильной власти П.А. Фредерикс аргументировал также общей неустроенностью ссылки и опасностью, исходящей от политических ссыльных. Командовал войсками Восточно-Сибирского военного округа. 14 декабря 1873 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. П.А. Фредерикс был почетным членом Императорского Русского Географического общества, покровитель его Восточно-Сибирского отдела. Содействовал устройству в 1881–83 гг. полярной станции в устье реки Лены.

Именно во времена правления барона Иркутск постигли чудовищные пожары, когда выгорела большая часть города. По этому поводу Великий князь Константин, а вслед за ним и В.И. Вагин, сказали, что «если бы ни иркутский пожар 1879 г., о бароне Фредериксе никто бы и не вспомнил».

1 янв. 1885 г. барон назначен сенатором во 2-й департамент. В 1886 г. получил Высочайшую благодарность за труды при разработке правил о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях империи.

Умер П.А. Фредерикс 17 сентября 1888 г.

Анучин Дмитрий Гаврилович (1833-1900). Родился 9 апреля 1833 г., из дворян. Окончил Павловский кадетский корпус.

В службу Д.Г. Анучин вступил 7 августа 1851 г. прапорщиком в л.-гв. Егерский полк. В 1855 г. окончил Академию Генерального Штаба по 1 разряду. В 1855 г. он был назначен в Отдельный Кавказский корпус. В том же году был командирован в Штаб войск на Кавказскую линию и Черноморию***. В 1857 г. Д.Г. Анучин переведен в Генеральный Штаб и состоял при 1 отделении департамента. В 1860 г. он был назначен правителем канцелярии департамента Генерального Штаба.

В 1863 г. Д.Г. Анучин был командирован в Польшу в распоряжение помощника главнокомандующего генерала Ф.Ф. Берга. За отличия в деле против польских мятежников он был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». В том же году Д.Г. Анучин состоял членом особого учрежденного военного суда для осуждения виновных в похищении казенных сумм из главного казначейства Царства Польского. В 1864 г. он управлял департаментом полиции исполнительного управления генерал-полицмейстера в Царстве Польском и состоял членом Варшавской комиссии по делу о римско-католических монастырях. В том же году назначен для особых поручений к главнокомандующему войсками Варшавского военного округа.

С 1865 г. по 7 декабря 1879 г. Д.Г. Анучин занимал должность Радомского губернатора. 10 июня 1867 г. пожалован чином генерал-майора. В 1871 г. был награжден орденом св. Станислава 1 ст., в 1876 г. – орденом св. Владимира 2 ст.

В 1877 г. Д.Г. Анучин был командирован в распоряжение главнокомандующего действующей армией для исполнения должности помощника заведующего гражданскими делами кн. Черкасского. 13 октября 1877 г. пожалован чином генерал-лейтенанта. В 1878 г. Д.Г. Анучин исполнял должность заведующего гражданскими делами в Болгарии. В том же году он был командирован в Берлин на

конгресс в распоряжение русских уполномоченных (кн. Горчакова, послы Шувалова и Убри).

С 7 декабря 1879 г. по 1 января 1885 г. Д.Г. Анучин занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа. С 14 июля 1884 г. командующий войсками Иркутского военного округа. Заметим, что по оценке современников, Анучин «вступил в управление краем в очень трудное время: ему нужно было и поднимать амурские дела, совершенно упавшие при двух его предшественниках (именно в правление Анучина было образовано самостоятельное Приамурское генерал-губернаторство – *Л.Д.*), и обдумывал реформы, необходимость которых вызывалась общим ходом дел и, более или менее, заботился о восстановлении разрушенного пожарами Иркутска». В отчетах за 1880-1881 гг. он обратил внимание высшей власти на необходимость реформы управления Сибирью. В 1884 г. был награжден орденом св. Александра Невского. Д.Г. Анучин был избран почетным членом Императорского Русского Географического общества, покровительствовал его Восточно-Сибирскому отделу. В 1881–1883 гг. он содействовал устройству полярной станции в устье р. Лены.

Между тем во всех воспоминаниях местных жителей является единой негативная оценка деятельности этого генерал-губернатора: «это был, во-первых, лично какой-то антипатичный господин, производивший впечатление скорее подьячего, чем генерал-губернатора; во-вторых, справедливо или нет, он приобрел репутацию взяточника, с которой и оставил Восточную Сибирь, не возбудив ни в ком сожаления.»

1 января 1885 г. Д.Г. Анучин был назначен сенатором во 2-й департамент. В 1886 г. получил Высочайшую благодарность за труды при разработке правил о преимуществах гражданской службы в отдаленных краях империи. В 1891 г. он был пожалован чином генерала от инфантерии, в 1892 г. определен в 1-й департамент Сената. Умер Д.Г. Анучин 17 января 1900 г.

Игнатъев Николай Павлович, граф (1832-1908). Родился 17 января 1832 г. Окончил Пажеский корпус.

Службу Н.П. Игнатъев начал корнетом в лейб-гвардии Гусарском полку. 26 мая 1849 г. поступил в Академию Генерального Штаба. 6 декабря 1849 г. произведен в чин поручика. 7 ноября 1851 г. окончил Академию, 20 ноября 1851 г. произведен в штабс-ротмистры с зачислением по Генеральному Штабу. 20 ноября 1852 г. переведен штабс-капитаном в гвардейский Генеральный Штаб. 28 ноября 1852 г. назначен состоять при Штабе главнокомандующего гвардейскими и гренадерскими корпусами. 13 февраля 1854 г. был командирован для составления дислокации войск гвардии в Эстляндию.

13 февраля 1854 г. Н.П. Игнатъев был оставлен в распоряжении командовавшего войсками генерал-адъютанта графа Ф.Ф. Берга и заведовал в штабе войск частями Генерального Штаба. В Крымскую войну 1854-1855 гг. состоял при войсках, охранявших Балтийское побережье от неприятеля и находился при бомбардировке англичанами Дюнамюнде. С 14 июля 1854 г. по 14 июня 1855 г. состоял квартирмейстером 2-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии. 20 ноября 1854 г. произведен в чин капитана. С 18 марта 1855 г. исполнял должность обер-квартирмейстера Балтийского корпуса. 6 декабря 1855 г. пожалован в флигель-адъютанты.

7 июня 1856 г. Н.П. Игнатъев назначен военным агентом в Лондон. 26 августа 1856 г. произведен в чин полковника. Состоял в распоряжении посла в Париже графа П.Д. Киселева. За участие в конференции в Париже по разграничению между Бессарабией и Молдавией 12 января 1857 г. Н.П. Игнатъев был награжден орденом св. Станислава 2 ст., 30 авг. 1857 г. – орденом св. Владимира 4 ст.

С 16 октября 1857 г. по 17 декабря 1858 г. Н.П. Игнатъев занимал должность начальника военно-дипломатической миссии в Хиву и Бухару. Он добился освобождения русских пленных и заключил торговый трактат, позволивший плавать русским торговым судам по р. Аму-Дарье. 24 декабря 1858 г. Н.П. Игнатъев был награжден

орденом св. Анны 2 ст. с императорской короной. 25 декабря 1858 г. пожалован чином свиты генерал-майора.

17 марта 1859 г. Н.П. Игнатъев был назначен уполномоченным в Китай для переговоров по поводу недоразумений об Айгунском договоре (заключен Н.Н.Муравьевым 16 мая 1858 г., в соответствии с которым Приамурский край отходил к России). Воспользовавшись англо-французским десантом в Китай, он заключил Пекинский договор, по которому России перешли левый берег Амура и Уссури, а также приморская полоса до Кореи. 17 апреля 1860 г. Н.П. Игнатъев был награжден орденом св. Владимира 3 ст., 8 декабря 1860 г. – чином генерал-адъютант и орденом св. Станислава I-й ст., 8 января 1861 г. – за заключение Пекинского трактата – орденом св. Владимира 2 ст.

21 августа 1861 г. Н.П. Игнатъев был назначен директором азиатского департамента Министерства иностранных дел. Заключил торговый трактат с Португалией. 17 апреля 1863 г. награжден орденом св. Анны 1 ст. с императорской короной.

14 июля 1864 г. Н.П. Игнатъев был назначен посланником в Турцию. 30 августа 1865 г. пожалован чином генерал-лейтенанта. 25 марта 1867 г. Н.П. Игнатъев стал послом в Турции. 31 марта 1868 г. награжден орденом Белого Орла. 18 марта 1871 г. – орденом св. Александра Невского. 20 апреля 1872 г. Н.П. Игнатъев исполнял обязанности почетного мирового судья Гомельского округа.

15 января 1877 г. Н.П. Игнатъев был вызван в Россию и с 18 февраля по 20 марта 1877 г. находился с дипломатическим поручением в Берлине, Париже, Лондоне, Вене.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Н.П. Игнатъев был отправлен в действующую армию. 3 декабря 1877 г. его назначили членом Государственного Совета с причислением в Министерство иностранных дел. 13 января 1878 г. Н.П. Игнатъев направляется в качестве первого уполномоченного для ведения переговоров с турками в Андрианополь. 19 февраля 1878 г. он подписал Сан-Стефанский прелиминарный договор. Затем выехал в Петербург через Константинополь. 16 апреля 1878 г. Н.П. Игнатъев за труды на благо Отечества был награжден чином генерала от инфантерии.

5 апреля 1879 г. Н.П. Игнатъева временно назначают нижегородским генерал-губернатором. На этой должности он заново построил павильоны Нижегородской ярмарки.

1 января 1881 г. Н.П. Игнатъев был назначен присутствовать в Департамент законов Государственного совет. С 25 марта 1881 г. по 4 мая 1881 г. он занимал должность министра государственных имуществ. С 4 мая 1881 г. по 30 мая 1882 г. – министра внутренних дел. В 1881 г. Н.П. Игнатъев учредил при Министерстве внутренних дел комиссию по реформе местного управления (Кахановскую). При нем были изданы правила о евреях 3 мая 1882 г., ограничивающие права их проживания вне городов и местечек. Н.П. Игнатъев пожалован орденом св. Владимира 1 ст. (15 мая 1883) и орденом св. Андрея Первозванного (14 мая 1896).

Период 1885–1889 гг. был посвящен службе в Сибири – в должности восточно-сибирского (1885–1887), и иркутского (1887–1889) генерал-губернатора. В памяти местных жителей осталась пышность жизни генерал-губернатора. Увидев дом, приготовленный для него, Игнатъев воскликнул: «И в этой конюшне я должен жить целые годы!». Заметим, что эта «конюшня» является одной из визитных карточек Иркутска, и ныне здесь располагается научная библиотека Иркутского госуниверситета (хорошо известный любому иркутянину так называемый «Белый дом»). В то же время А.П. Игнатъев был деятельным человеком: много работал над проектами, большое внимание уделял вопросам ограничения политической ссылки, улучшению путей сообщения и пр. Он справедливо полагал, что ссыльная система наносит ущерб интересам Сибири и что во многих отношениях она (система) нуждается в изменениях. Граф Игнатъев активно сотрудничал с ВСОРГО, обеспечивал финансирование исследований, на свои личные деньги купил для музея зоологическую коллекцию; по инициативе генерал-губернатора большое внимание на заседаниях уделялось вопросам строительства Сибирской магистрали, он способствовал открытию ряда дождемерных и сейсмических станций. По инициативе ВСОРГО ему в 1889 г. было присвоено звание Почетного гражданина.

Умер Н.П. Игнатъев 20 июня 1908 г.

Горемыкин Александр Дмитриевич (1889-1900).

Представитель дворянского рода, который уходит корнями в эпоху Алексея Михайловича. О Горемыкине сохранились лишь фрагментарные сведения, в частности, о его сибирском периоде деятельности. Известно, что в 1893 г. он получил чин генерала от инфантерии, с 1864 г. находился в распоряжении наместника Царства Польского Ф.Ф. Берга, принимал участие в крестьянской реформе и выступал за наделение безземельных крестьян землей. В период 1866–1869 гг. исполнял должность подольского губернатора, с 1869 г. в течение 20 лет был начальником штаба Одесского военного округа. Следующие 11 лет службы Горемыкина были посвящены Сибири: в период 1889–1899 гг. он был иркутским генерал-губернатором, а 1899–1900 гг. – военным генерал-губернатором Иркутска. По словам А.А. Корнилова, чиновника особых поручений канцелярии иркутского генерал-губернатора, а впоследствии известного русского историка, «со времени Муравьева-Амурского никто из предместников (предшественников – Л.Д.) его не пробыл на посту так долго. При нем построена великая Сибирская железная дорога, коренным образом изменившая условия существования края. При нем введена судебная реформа, хоть и давшая суд и без присяжных заседателей, но радикально изменившая судебное устройство Сибири. При нем введено в Сибири новое поземельное устройство крестьян, и при нем же изменено управление ... крестьянскими начальниками... Наконец, он предлагал ввести в Сибири земское самоуправление, не его вина, если эта реформа не осуществилась». Конечно, Горемыкин не был инициатором всех этих преобразований, но он «употребил немало труда, чтобы принести как можно больше пользы...».

Иркутяне уважали Горемыкина, и по воспоминаниям местных жителей, «на улицах многие раскланивались с ним из вежливости к самому генералу...». А уважать его было за что. Именно благодаря личному участию А.Д. Горемыкина в Иркутске после пожара было отстроено красивейшее каменное здание драмтеатра, о чем свиде-

тельствует мемориальная доска на этом здании (здесь театр размещается и по сей день – Л.Д.). В правление Горемыкина 28 октября 1890 г. в Иркутске сгорел старый деревянный театр. Генерал-губернатор принял самое активное участие «для приобретения средств на постройку театра». И уже в 1898 г. состоялось открытие вновь построенного театра. Город почти всецело был обязан этим театром Горемыкину, который сумел собрать деньги на строительство и сам наблюдал за ним. По воспоминаниям современников, Иркутский театр «вышел великолепный, после одесского лучший в провинциальной России».

В 1900 г. А.Д. Горемыкин покидает Сибирь и переходит на должность члена Госсовета по Департаменту промышленности.

Пантелеев Александр Ильич (1838 – после 1913). Родился 26 июня 1838 г., из дворян. Окончил школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с отличием и 16 июня 1850 г. поступил прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. 30 авг. 1861 г. произведен в чин подпоручика, а через год – 30 авг. 1862 г. – поручика.

В 1863 г. А.И. Пантелеев воевал с польскими повстанцами, командуя ротой войск Виленского военного округа. 30 августа 1868 г. произведен в чин капитана. После возвращения из Польши был прикомандирован к Штабу войск гвардии и исполнял должность старшего адъютанта Петербургского военного округа. В следующем году вернулся в полк. 30 августа 1871 г. А.И. Пантелеев произведен в полковники.

В июле 1877 г. А.И. Пантелеев был назначен начальником сборного пункта для мобилизации гвардии. В составе 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка он перешел Дунай. А.И. Пантелеев отличился в боях под Плевной и Филиппополем. В 1878 г. был награжден орденом св. Георгия IV ст., золотым оружием с надписью «За храбрость», орденом св. Владимира 4 ст. С 23 февраля по 15 июня 1879 г. А.И. Пантелеев находился с полком в составе оккупационной армии в Восточной Румелии, осенью того же года вернулся в Россию.

С 10 сентября 1877 г. по 17 февраля 1882 г. А.И. Пантелеев находился на должности командира 17-го Архангелогородского пехотного полка, а с 17 февраля 1882 г. по 8 декабря 1890 г. – лейб-гвардии Семеновского полка. 30 августа 1882 г. А.И. Пантелееву пожалован чин генерал-майора, 30 августа 1893 г. – генерал-лейтенанта.

С 8 декабря 1890 г. по 4 февраля 1897 г. А.И. Пантелеев находился на должности директора императорского Училища правоведения. С 4 февраля 1897 г. по 20 апреля 1900 г. – помощника шефа жандармов. С 31 января 1898 г. по 20 апреля 1900 г. – командир Отдельного корпуса жандармов.

С 20 апреля 1900 г. по 13 мая 1903 г. А.И. Пантелеев являлся иркутским военным генерал-губернатором. По воспоминаниям местных жителей, это был человек «не злой, мягкий, не особенно вредный, среднего ума (человек без академического образования), но весьма воспитанный, ... быстро сошелся с иркутским обществом». По мнению иркутян, большую роль в управлении краем играла жена генерал-губернатора – Александра Владимировна, женщина «неглупая, образованная, с большой выдержкой и в то же время добрая». По личной инициативе А.И. Пантелеева в Иркутске был сооружен памятник императору Александру III и создана знаменитая иркутская Набережная – сегодня это одно из любимых мест отдыха иркутян и жителей города.

6 мая 1903 г. он был назначен членом Государственного Совета по Департаменту промышленности, науки и торговли. Работал в составе особого совещания для рассмотрения дополнений к узаконениям о Государственной думе. 28 марта 1904 г. А.И. Пантелеев был пожалован чином генерала от инфантерии. В 1905 г. – в генерал-адъютанты, 15 июня 1906 г. награжден орденом св. Александра Невского.

В 1907 г. А.И. Пантелеев откомандирован в Московский и Казанский военный округ для производства расследований. В августе 1907 г. – в Омский военный округ, Иркутский и Приамурский военные округа для обозрения военного и гражданского управления. Был в Харбине, где вручал знамена. В 1908 г. направлен в Омский военный округ, а в мае 1908 г. – в Виленский военный округ для производства расследований. В 1909 г. начал председательствовать в совете Дома призрения и ремесленного образования бедных де-

тей. Член финансового комитета Государственного Совета в течение 3 лет. В 1913 г. был награжден орденом св. Владимира.

Умер А.И. Пантелеев после 1913 г.

Кутайсов Павел Ипполитович (1837–1911) – представитель графского рода Кутайсовых. Генерал от инфантерии, участник Крымской войны и покорения Кавказа, бывший военный агент в Лондоне, а затем, в 1873–1880-х гг. – Нижегородский губернатор, с 1896 г. – сенатор. В период 1903–1905 гг. исполнял должность Иркутского военного генерал-губернатора. По поручению императора Николая II разрабатывал проект по учреждению земств в Сибири. По отзывам иркутян, П.И. Кутайсов дорожил общественным мнением, возможно поэтому «во многих отношениях оказался покладистее, чем Пантелеев, не говоря уже о Горемыкине». После отставки – член Госсовета.

Селиванов Андрей Николаевич (1847 – после 1914). Родился 5 августа 1847 г. Окончил Александровский сиротский кадетский корпус, затем Михайловское Артиллерийское училище.

На службу А.Н. Селиванов поступил 25 августа 1863 г. в 14-ю Артиллерийскую бригаду. В течение года командовал батареей. 8 августа 1866 г. произведен в чин подпоручика. 5 декабря 1870 г. – поручика, 29 сентября 1873 г. – штабс-капитана. 26 декабря 1877 г. А.Н. Селиванов окончил Академию Генерального Штаба по 1-му разряду и был произведен в чин капитана.

А.Н. Селиванов стал участником боевых действий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 27 апреля 1878 г. по 24 марта 1880 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 12-й кавалерийской дивизии. С 24 марта 1880 г. по 6 октября 1884 г. – штаб-офицера для особых поручений при штабе 12-го Армейского корпуса. 30 августа 1880 г. произведен в чин подполковника, 30 августа 1883 г. – полковника. С 6 октября 1884 г. по 7 мая 1885 г. А.Н. Селиванов занимал должность штаб-офицера для поручений при штабе Киевского военного округа. С 7 мая 1885 г. по 18 января 1887 г. – в числе штаб-офицеров Генерального Штаба. С 18 января 1887 г. по 4 сентября 1889 г. – делопроизводитель канцелярии мобилизационного комитета Главного Штаба. С 4 сентября 1889 г. по 24 февраля 1893 г. – начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии. С 24 февраля 1893

г. по 30 июня 1895 г. – командир 3-го Донского пехотного полка. 30 июня 1895 г. пожалован чином генерал-майора.

С 10 марта 1899 г. по 4 июля 1901 г. А.Н. Селиванов находился на должности начальника штаба Приамурского военного округа. 31 января 1901 г. ему было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта. С 4 июля 1901 г. по 24 декабря 1903 г. занимал должность начальника 16-й пехотной дивизии. С 24 декабря 1903 г. по 23 октября 1904 г. – начальника 13-й пехотной дивизии.

А.Н. Селиванов принимал участие в Русско-японской войне в качестве начальника 37-й пехотной дивизии – с 23 октября 1904 г. по 18 августа 1905 г. За участие в боевых действиях в 1906 г. он был награжден золотым оружием и орденом св. Владимира 2 степени. С 18 августа 1905 г. по 25 апреля 1906 г. А.Н. Селиванов был командиром 2-го сводного стрелкового корпуса.

С 25 апреля 1906 г. по 13 июля 1910 г. А.Н. Селиванов занимал должность Иркутского генерал-губернатора и командующего войсками Иркутского военного округа и войскового наказного атамана Забайкальского казачьего войска. 6 декабря 1907 г. был пожалован чином генерала от инфантерии.

13 июля 1910 г. А.Н. Селиванов назначен членом Государственного совета. Во время 1 мировой войны – командующий 2-й Армией. Член Военного Совета.

Умер А.Н. Селиванов после 1914 г.

Белецкий Степан Петрович (1872–1918). Из мещан. Единственный сибирский генерал-губернатор недворянского происхождения. Окончил в 1914 г. юридический факультет Киевского университета. Служил в канцелярии киевского генерал-губернатора, впоследствии – один из организаторов политического сыска в России. С января 1914 г. – сенатор 1 департамента Сената (занимался надзором за местным управлением в стране). Из карьерных соображений сблизился с Г.Е. Распутиным. В феврале 1916 г. назначен иркутским генерал-губернатором, но на место службы выехать не успел, потому как в марте был уволен. После февральской революции был арестован, содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

Примерный перечень заданий, рефератов, докладов и дипломных работ по курсу

1. Эволюция генерал-губернаторской власти в законодательстве империи.
2. Составить характеристику генерал-губернатора (по выбору) на основе воспоминаний современников.
3. Составить функциональную характеристику генерал-губернатору как административному лицу на основе законодательных актов, регламентирующих его деятельность.
4. Составить политический портрет генерал-губернатора (по выбору).
5. Провести компаративный анализ деятельности генерал-губернаторов (двух последовательных по выбору).
6. Составить рейтинг материального уровня благосостояния генерал-губернаторов (нескольких по выбору).
7. Составить список специфических служебных полномочий сибирских генерал-губернаторов.
8. На основе формулярных списков составить стратиграфическую характеристику генерал-губернатору (двум по выбору).

Рекомендованный к курсу список источников и литературы

1. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: в 2-х тт. Москва, 1891.
2. Блинов И.А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 48.
3. Власть в Сибири XVI – начало XX века: Межархивный справочник. Новосибирск, 2002.
4. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII – XX вв. Тюмень, 2000.
5. Гаркуша П.И. Правовой статус института губернаторства в России. Р-на-Дону, 2004.
6. Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899.
7. Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.). Серия: Азиатская Россия. Иркутск. ЗАО Восточно-Сибирская издательская компания. 2007 г. 256 с.
8. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
9. Губернаторство в России: история, современность и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 3. С. 3-21.
10. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.
11. Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002.
12. Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005.
13. Дамешек И.Л. Генерал-губернаторы Азиатской России как институт власти и его особенности // Проблемы истории местного

управления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы V Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 38–40.

14. Дамешек И.Л. Высшая сибирская администрация в оценке местного общества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 205-215.

15. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев и др. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

16. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986.

17. Дамешек Л.М. Михаил Михайлович Сперанский в Иркутске // Личность в истории Сибири XVIII – XX веков: сб. биографических очерков. Новосибирск, 2007. С. 34-41.

18. Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.). Серия: Азиатская Россия. Иркутск: ЗАО Восточно-Сибирская издательская компания, 2007. 320 с.

19. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917). Серия: Азиатская Россия. Иркутск: ЗАО Восточно-Сибирская издательская компания, 2009. 390 с.

20. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского). Иркутск, 2003. 264 с.

21. Ерощкин Н.П. Местное государственное управление дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985.

22. Зырянов Н.П. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. М., 1982. Т. 107.

23. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

24. Иванов В.А. Губернское чиновничество 50-60-х гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний): Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994.

25. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Вып. 3. Казань, 1890.

26. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2-х тт. Под ред. В.В. Черкесова. СПб., 2001.

27. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 11. СПб, 1909.
28. Лохвицкий А. Губерния и ея земские и правительственные учреждения Ч. 1. СПб., 1874.
29. Лысенко Л.М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. М., 2000.
30. Маркова И.Б. Управление Сибирью в 20 – 60-е гг. XIX в.: Дисс. ... к. ист. н. Новосибирск, 1985. 247 с.
31. Кузнецов А.С. Второй Сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 3–21.
32. Кузнецов А.С. К истории создания «Статистического обозрения Сибири» // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири: Тезисы докладов к региональной конференции 15–17 ноября 1983 г. Иркутск, 1983. С. 30–32.
33. Кузнецова Е.А. Кадровая политика Н.Н.Муравьева-Амурского // Земля иркутская. 1995. № 4. С. 4–10.
34. Кузнецова Е.А. Прощальное фото графы Н.Н. Муравьева-Амурского // Земля иркутская. 1997. № 9. С. 20–31.
35. Матханова Н.П. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2.
36. Матханова Н.П. М.С. Корсаков // Земля иркутская. 1997. № 9. С. 4–9.
37. Матханова Н.П. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.
38. Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 6;
39. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841.
40. Общее губернское учреждение. Свод Законов Российской империи. Изд. 1892 г. Т. 2.
41. Оржеховский И.В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60-70-х гг. XIX в. Горький, 1974.
42. Парусов А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьковского ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1.

43. Рабцевич В.В. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973; Она же. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.

44. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.

45. Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66.

46. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.

47. Ремнев А.В. К вопросу о периодизации административной политики самодержавия в Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Материалы IV региональной научной конференции 11–12 ноября. Новосибирск, 1999.

48. Российское законодательство. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». М., 1987. Т. 5.

49. Соколов К.Н. Очерки истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. 1903. Кн. 7. 121; ПСЗ-I. № 1910.

50. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000.

51. Тухтаметов Ф.Т. Институт губернатора России: Сравнительно-исторический очерк. Уфа, 2004.

52. Шумилов М.М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в.: Учебное пособие по спецкурсу. Л., 1988.

53. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991.

54. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в.: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 1992.

Л.М. Дамешек

**Институт генерал-губернаторов
Азиатской России и его особенности**

*Учебное пособие по курсу
«История Сибири»*

Издательство «Оттиск»

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 26.04.2011 г. Формат 60/84/16.

Усл. печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 5,6.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 0019.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.

тел. 34-32-34.

E-mail: ottisk@irmail.ru